

Материалы к лекции

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-79-115

Мета-обоснование и необходимость соответствия объективной реальности

Рецензия на книгу: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8).*

Никита Владимирович Головкин

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Новосибирск, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Когерентизм является единственной моделью обоснования эмпирического знания. Итоговая формулировка когерентистской концепции обоснования Лоуренса Бонжура включает такие тезисы, как: (а) Обоснование убеждения есть функция когерентности и зависит от факта, что система убеждений когерентна не только в настоящий момент, но остается когерентной на протяжении достаточно длительного периода времени, непрерывно пополняя свое эмпирическое содержание вследствие воздействия внешней реальности. Именно стабильность дает основания полагать, что когерентность системы с большой вероятностью ведет к истинности убеждений. (б) Система содержит большое количество различных типов когнитивно спонтанных убеждений, играющих роль тех, с которыми все остальные убеждения системы должны быть когерентны, а также достаточное число законоподобных утверждений, приписывающих этим типам (включая те типы интроспективных убеждений и убеждений памяти, которые необходимы для того, чтобы распознавать когнитивно спонтанные убеждения) высокую степень достоверности внутри системы относительно сопутствующих допущений, причинных объяснений их генезиса, предыдущего опыта анализа ситуации и т. д. (в) Необходимым условием обоснования является то, что субъект должен

* Статья представляет собой развернутый план и материалы для подготовки нескольких лекций по теме «Когерентизм» в рамках курса «Теория познания», читаемых в бакалавриате по направлению «Философия» в Институте философии и права Новосибирского государственного университета. Этим объясняется большой объем подстрочных комментариев, дополнительные материалы и перекося в сторону определений и примеров, которые необходимым образом расставляют акценты на содержании книги Л. Бонжура.

быть способен прямо или косвенно когнитивно схватить, по крайней мере, приближенное содержание системы убеждений и ее когерентность. Это интерналистское Допущение обосновывает то единственное, что связывает нашу систему убеждений и реальность, – когнитивно спонтанные убеждения. Наиболее спорный элемент концепции: (г) мета-обоснование (демонстрация того, что стандарты обоснования являются приводящими к истинности) имеет априорный характер и не нуждается в дополнительном обосновании, поскольку является следствием выбранных метафизических ограничений, в первую очередь интернализма.

Рецензия представляет собой детальный анализ второй части книги Л. Бонжура «Структура эмпирического знания» (главы 7–8), посвященной разработке оснований когерентистской теории обоснования эмпирического знания.

Ключевые слова

когерентизм, обоснование, стабильность, Эмпирическое Требование, мета-обоснование, рациональность, интернализм, Л. Бонжур

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования

Головкин Н. В. Мета-обоснование и необходимость соответствия объективной реальности. Рец. на кн.: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8) // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 2. С. 79–115. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-79-115

Metajustification, and necessity to reflect objective reality

Book Review: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8).

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

Coherentism is the only proper account of justification of empirical knowledge. The final representation of Lawrence Bonjour's coherentist conception of justification includes such theses as: (a) Justification is a function of coherence and depends on the fact that the system of beliefs is not only coherent at the moment, but remains coherent over a sufficiently long period of time, facing continuous input to its content due to the influence of reality. It is this stability that gives reason to believe that the coherence of the system most likely leads to the truth of beliefs; (b) The system contains a large number of different kinds of cognitively spontaneous beliefs that play the role of those with which all other beliefs of the system must cohere, as well as a sufficient number of law-like statements ascribing to these kinds (including those kinds of introspective and memory beliefs that are necessary in order to recognize other cognitively spontaneous beliefs) a high degree of reliability within the system regarding accompanying assumptions, causal explanations of their genesis, previous experiences in assessment situations, etc; (c) A necessary condition for justification is that the person must be able to cognitively grasp, explicitly or implicitly, at least the approximate content of the belief system and its coherence. This Presumption justifies the only thing that

connects our belief system and reality – cognitively spontaneous beliefs. The most controversial element of the conception (d), meta-justification (the demonstration that the standards of coherentist justification are truth-conducting) is a priori in nature and does not require additional justification, since it itself is a consequence of the chosen metaphysical constraints, primarily of internalism. The review is a detailed analysis of the second part of L. Bonjour's book «The Structure of Empirical Knowledge» (chapters 7–8), dedicated to foundations for a coherentistic theory of justification of empirical knowledge.

Keywords

coherentism, justification, stability, Observational Requirement, meta-justification, rationality, internalism, L. Bonjour

For citation

Golovko N. V. Meta-justification, and necessity to reflect objective reality. Book Review: Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8). *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 79–115 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-79-115

Заключительные главы книги Лоуренса Бонжура «Структура эмпирического знания» отличает то, что они являются наименее конвенциональными по содержанию. Первые четыре главы посвящены критике фаундализма и смотрятся достаточно органично, особо не выходя за рамки общепринятых представлений о том, что такое обоснование, фаундализм, базовые убеждения, проблема регресса и их соответствующие интерналистские и экстерналистские трактовки (см.: [Головко, 2023]). Пятая и шестая главы по-настоящему интересны тем, как Л. Бонжуру удастся задать основной объект своей концепции – понятие «когнитивно спонтанного убеждения», определить «достоверность изнутри системы» и на этом основании построить «когерентистскую концепцию наблюдения», которая решит самый важный вопрос о том, в каком смысле когерентная система убеждений может претендовать на то, что она действительно является системой эмпирического знания (см.: [Головко, 2024]). На долю седьмой и восьмой глав выпадает заключительный аргумент, суть которого – обоснование тезиса, что стандарты обоснования предполагаемой когерентистской концепции обоснования должны быть «приводящими к истинности». И последняя страница (в книге есть еще два приложения) может поставить в тупик кого угодно: «Гипотеза соответствия реальности является с большей вероятностью истинной (чем альтернативные, например, гипотеза Злого Демона), когда мы говорим об объяснении сохранения когерентности и стабильности системы убеждений во времени» (с. 188). Вот так метафизика и рассуждения об истине и реальности могут испортить хорошую эпистемологическую теорию. Большая часть восьмой главы посвящена метафизическому реализму (параграф 8.2), – чего очень хотелось бы от представителя «классической традиции» (интернализм, реализм, корреспондентная теория истины), но непонятно, почему мы должны это обсуждать уже в самом конце книги, посвященной обоснованию эмпирического знания, и «Злому Демону» Р. Декарта (параграф 8.4) – теме, которая как минимум заслуживает отдельной главы, но заканчивается чуть более чем тривиальным выводом.

Ниже мы кратко остановимся на основных моментах седьмой главы – Эмпирическом Требовании и представлении о «стабильности» системы. Кроме прочего, их важность продиктована тем, как Л. Бонжуру удастся интерпретировать такие

знаковые характеристики эмпирического знания, как «эмпирический характер системы определяется тем, как ее убеждения согласованы с выделенным классом (эмпирических) достоверных убеждений» и «любое утверждение, которое не обосновано априорно, должно в принципе явно или неявно проверяться посредством убеждений наблюдения» (с. 140). Большая часть рецепции восьмой главы посвящена анализу гипотез, объясняющих причину стабильности хорошей когерентной системы убеждений, приводя нас к известному выводу: «Когерентная теория обоснования и корреспондентная теория истинности является единственной надеждой одновременно обойти и фаундализм, и скептицизм и выступить в защиту и эмпирического знания, и привычной концепции реальности» (с. 158). И несмотря на то что приведенные замечания критиков не только показывают, что объяснение стабильности системы, предложенное Л. Бонжуром, в лучшем случае «ничего не доказывает», но и то, что «когерентность в его концепции не является ни необходимым, ни достаточным условием, которое нужно добавить к истинному убеждению, чтобы получить знание» (см., например: [Goldman, 1989a]), сама книга, на наш взгляд, – все еще лучший учебник по обоснованию эмпирического знания.

Эмпирическое Требование и динамический характер когерентности

Ключевой предмет анализа в седьмой главе и одновременно заключительный элемент когерентистской концепции наблюдения – это понятие «Эмпирического Требования» (Observational Requirement)¹. В классической традиции, куда также можно отнести фаундализм, убеждения наблюдения являются не инференциальными. Обычно это означает, что они не выводимы из других убеждений ни «по происхождению», ни «по обоснованию». В то же время, как показал Л. Бонжур, ссылаясь на У. Селларса, в рамках когерентистской концепции есть все основания принять убеждения наблюдения как не выводимыми «по происхождению», но выводимые «по обоснованию». Существует класс убеждений, которые появляются в системе убеждений субъекта «извне», – их существование или появление в системе не выводится из других, но они получают обоснование только в силу того, что находятся в отношениях с другими убеждениями системы. И естественно, в рамках когерентистской концепции обоснования мы полагаем, что эти «инференциальные отношения» – это отношения когерентной зависимости. Л. Бонжур называет такие убеждения «когнитивно спонтанными», подчеркивая то, что они просто возникают в сознании «непроизвольно, но в то же время настойчиво» (с. 117). В качестве примеров приводятся «обычное» зрительное убеждение, что «передо мной лежит красная книга», и интроспективное убеждение, что «мне кажется (seem), что я вижу нечто красное». По сути, это все, до чего дошел Л. Бонжур к концу шестой главы. И после этого он формулирует Эмпири-

¹ В предыдущей части обзора мы отдельно останавливались на том, почему «Observational Requirement» можно переводить как «Эмпирическое Требование» (см.: [Головкин, 2024]). Такой перевод не будет нарушать соотносимые с терминами «семантические ассоциации», когда Л. Бонжур будет говорить именно об эмпирическом знании то, что «наилучшим объяснением сохранения когерентности во времени при непрерывном пополнении (input) системы эмпирическим (observational) содержанием является приближенная истинность убеждений, составляющих систему» (с. 171).

ческое Требование. Система убеждений будет эпистемически обоснована только в том случае, если она содержит: а) достаточно много разнообразных типов когнитивно спонтанных убеждений; б) обоснованные убеждения о «законах», приписывающих этим типам когнитивно спонтанных убеждений высокую степень достоверности (включая те типы интроспективных убеждений, которые необходимы для того, чтобы распознавать другие когнитивно спонтанные убеждения); в) субъект-носитель будет обязательно предпринимать определенные усилия по контролю за когнитивно спонтанными убеждениями, поскольку «любая внутренне когерентная когнитивная система, которая не сможет приписать достоверность какому-либо классу когнитивно спонтанных убеждений, должна будет с целью сохранения достаточной степени своей когерентности предложить какое-то другое объяснение своей внутренней когерентности, а его не так-то легко найти. Как правило, необходимость прибегнуть (invoke) к Эмпирическому Требованию возникает только для когнитивных систем, чей класс когнитивно спонтанных убеждений существенно (severely) ограничен» (с. 154). Очевидно, этим Требованием Л. Бонжур хочет разграничить системы убеждений, сконструированные каким-то произвольным образом, и хорошие системы, которые «получают дополнительное эмпирическое содержание (input) вследствие влияния внешней реальности». Система убеждений, удовлетворяющая Требованию, очевидным образом будет «эмпирически укоренена»².

² Естественно, речь идет о поиске ответа на Возражение (II), которое заключается в том, что «модель когерентистского обоснования эмпирического знания не предполагает возможность пополнения (input) эмпирического же содержания системы в силу влияния внешней неконцептуализированной реальности». Однако в шестой главе Л. Бонжур вводит понятие «когнитивно спонтанного убеждения», которое необходимо как раз для того, чтобы зафиксировать это «пополнение», по крайней мере «в минимальном смысле, поскольку это новый элемент системы, который не выводится инференциально из других ее элементов» (с. 139). Важно то, что формально появление «когнитивно спонтанных убеждений» дает возможность «проверки» системы, – позволяет понять, что происходит с когерентностью системы в целом, а также проанализировать «законы», приписывающие достоверность тем или иным типам убеждений наблюдения. Как отмечает Л. Бонжур: «Вопрос о том, есть ли основания полагать, что эти убеждения осуществляют “пополнение” не только в минимальном, но и в намеренном смысле, можно рассматривать в двух контекстах. На эмпирическом уровне мы говорим, что эти убеждения законоподобным, повторяемым образом причинены (caused) внешней реальностью. Сложно придумать другое объяснение для существования большого количества когнитивно спонтанных убеждений, согласованных друг с другом. (Структурно подобное рассуждение представляет собой <вывод к лучшему объяснению> в интерпретации <Чудеса не принимаются> Х. Патнэма. – Н. Г.). Другой вопрос, есть ли основания полагать, что утверждение о том, что эти убеждения и составляют “пополнение”, является истинным? Мы вернемся к нему в восьмой главе, рассматривая вопрос, является ли когерентистское обоснование приводящим к истине (truth-conductive).»

Любая адекватная концепция эмпирического знания должна *требовать* схватить пополнения эмпирического содержания системы, а не просто допускать его возможность. Как уже отмечалось, без пополнения любое соответствие между когнитивной системой и миром будет случайным. Как следствие идеи о том, что обоснование должно быть приводящим к истине, мы полагаем, что система должна содержать законы, приписывающие большую степень достоверности самым разнообразным типам когнитивно спонтанных убеждений. Включая те типы интроспективных убеждений и памяти, которые отвечают за распознавание других когнитивно спонтанных убеждений. Общая идея Эмпирического Требования состоит в том, что *любое утверждение в системе, которое не обосновано априорно, должно быть в принципе явно или неявно проверяемо посредством убеждений наблюдения, подтверждено или опровергнуто*. И эта “проверка” будет зависеть не только от доступных в рамках системы “модусов наблюдения”, но также и от инференциальных связей, которые объединяют убеждения, составляющие систему. Эмпирическое Требование не говорит о таксономии, которой подчиня-

Второй значимый элемент концепции Л. Бонжура, который также появляется в седьмой главе, – это представление о *динамическом характере когерентности*. И возможно, это один из наиболее известных элементов его концепции (такой же,

ются классы когнитивно спонтанных убеждений, не говорит о том, что данное когнитивно спонтанное убеждение, которому приписывается достоверность, должно быть достоверным *актуально*. Об этом говорят сопутствующие (background) представления внутри системы. Именно невозможность удовлетворить им и говорит о том, что система перестала удовлетворять Эмпирическому Требованию, перестала быть когерентной, по крайней мере на каком-то отрезке времени. Приписывание достоверности убеждениям, которые таковыми не являются, обязательно ведет к потере когерентности. При этом *субъект должен предпринимать попытки поиска возможных убеждений наблюдения, которые противоречат видимой когерентности системы*. Способность получать достоверные когнитивно спонтанные убеждения обретается посредством лингвистической (или другой) тренировки, поскольку она предполагает схватывание концептуальной или репрезентационной системы (если она не полагается внутренне присущей (innate) конечно). Но подобная “тренировка”, несмотря на то что она является причинным необходимым условием удовлетворения Эмпирическому Требованию, сама по себе не является частью его содержания. В конечном итоге так понимаемое Эмпирическое Требование гарантирует, что когнитивная система, которая ему удовлетворяет, будет получать пополнение своего эмпирического содержания, а значит, обоснование не будет полностью зависеть от внутренних отношений между убеждениями статической системы. Тем самым мы получили ответ на Возражение (II).

Важно подчеркнуть статус Эмпирического Требования. Необходимость Требования обосновывается априорно. То, что эмпирическое знание о внешнем мире невозможно без пополнения эмпирического содержания системы вследствие воздействия объективной реальности, – это *априорная истина*. Как следствие, также априорной истиной является то, что когнитивная система должна приписывать достоверность некоторым классам когнитивно спонтанных убеждений, *если* эта система содержит эмпирическое знание. Но ни антецедент, ни консеквент последнего утверждения сами по себе не обоснованы априорно. Являются ли данные когнитивно спонтанные убеждения достоверными (должны ли они распознаваться таковыми), – это эмпирическое утверждение, о котором мы заключаем на основании когерентности системы. Ни один класс когнитивно спонтанных убеждений не является достоверным, а следовательно, система не может удовлетворить Эмпирическому Требованию в течение достаточно большого промежутка времени, если эта система не является когерентной. При этом само Эмпирическое Требование не говорит, что подобные ситуации могут произойти, – но только то, что если это произошло, то в системе не будет ни эмпирического знания, ни эмпирического обоснования. Мы можем представить Эмпирическое Требование как регулятивный мета-принцип. Оно не касается эмпирического обоснования непосредственно. Оно лишь задает основание для понимания результатов нашей оценки системы. И это отличает нашу концепцию от слабого фаундализма, который может приписывать некоторую степень начальной надежности всем когнитивно спонтанным убеждениям, например, подчеркивая что адекватного обоснования им нет или даже не может быть. В когерентистской теории все убеждения должны получать инференциальное обоснование. Наша концепция предполагает холистическую интерпретацию обоснования на двух уровнях. Разницу между собственно эмпирическим знанием и убеждениями любой другой природы нельзя увидеть на уровне убеждений, а только на уровне систем. *Эмпирический характер когнитивной системы определяется тем, что ее убеждения будут согласованы с теми классами когнитивно спонтанных убеждений, которые полагаются достоверными*. Тот, кто полагает, что его система убеждения полностью лишена эмпирического знания, не может предложить аналогичное требование. Эмпирическое Требование, тем самым, можно рассматривать как аналог позитивистского верификационистского критерия значения утверждений, который применяется к системам убеждений, а не к отдельным убеждениям» (с. 140–143). И все же сложно отделаться от ощущения, что «априорно обоснованное Эмпирическое Требование как регулятивный мета-принцип» не превращает когерентизм Л. Бонжура в фаундализм. Достоверные когнитивно спонтанные убеждения должны обладать каким-то дополнительным эпистемическим статусом, – что возвращает нас к идее об их «эпистемическом приоритете», по крайней мере в том виде, как мы обсуждали его в первой части книги (см.: [Головко, 2023]). Здесь также можно вспомнить цитату из учебника М. Уильямса: «Когда когерентисты отрицают, что некоторые убеждения могут иметь эпистемический приоритет, они говорят об убеждениях “первого порядка” (first-order), убеждениях относительно мира. Однако “критерий когерентности” оперирует убеждениями “второго порядка” (second-order) – убеждениями о том, что делает убеждения, состав-

как аргумент против существования базовых эмпирических убеждений), который уже давно обрел «независимое существование»³. Л. Бонжур вводит понятие «стабильность» – сохранение когерентности на протяжении достаточно длительного периода времени. Система убеждений может быть когерентной в настоящий момент времени, но по прошествии некоторого времени она может потерять необходимый уровень когерентности или вообще перестать быть когерентной. С точки зрения Л. Бонжура обоснование убеждения есть «функция от когерентности, которая присуща данной системе убеждений на протяжении долгого периода (long run). Система убеждений *стабильна*, если она сходится (converges on) и в конечном итоге представляет собой относительно долговременную картину мира. Именно такая когерентность-стабильность (coherence-cum-stability) дает все основания полагать, что убеждения с большой вероятностью истинны» (с. 170)⁴.

ляющие систему, с большой вероятностью истинными. И эти убеждения «второго порядка» на самом деле и обладают эпистемическим приоритетом, поскольку их статус обоснован априорно. Это вариант фаундализма «сверху вниз» (top-down), а не более традиционный вариант «снизу вверх» (bottom-up) [Williams, 2001, p. 135]. Интересное замечание. В каком смысле Эмпирическое Требование не может быть частью фаундалистской концепции «сверху вниз»? Однако ответ Л. Бонжура несложно предугадать. Он неоднократно подчеркивал, что «когерентизм не против эпистемического приоритета для некоторых убеждений, он против того, чтобы этот приоритет понимался в абсолютном смысле» (с. 92). Более того, в следующем параграфе, отвечая на замечание, что «представленная концепция на самом деле является разновидностью слабого фаундализма», он отмечает, что «ни одно из предполагаемых мета-убеждений не обладает внутренним или независимым обоснованием. Наоборот, корректность этих мета-убеждений является частью исходной предпосылки (presupposition) когерентистского обоснования, которое из них выводится. Для любой версии фаундализма можно построить «параллельную» концепцию, когда обоснование будет опираться на аналогичные «предпосылки», которые будут обосновывать то, что базовые убеждения являются истинными. И эта концепция будет иметь фаундалистскую *структуру*, но она не будет оригинальной версией фаундализма, поскольку она не будет приписывать предполагаемым базовым убеждениям никакого внутреннего или неинференциального обоснования, а значит, эти убеждения нельзя будет квалифицировать как базовые. Насколько востребованы подобные рассуждения о таких «параллельных» концепциях, будет зависеть и от выбранных классов убеждений, обоснованность которых обсуждается, и от общей логики, касающейся структуры обоснования, которая предположительно отвечает рассматриваемой ситуации. Ни то, ни другое не является сейчас предметом моего анализа» (с. 243).

³ Речь идет о хорошо известном в философии науки свойстве научной теории противостоять появлению противоречащих ей данных, т.е. фактически «сохранять когерентность при добавлении новых данных». Это тот самый случай, когда представление буквально является частью каждой модели обоснования и развития научного знания от Ф. Бэкона до Э. Маха, Т. Куна, С. Хардинг и Р. Коллинза (парадигма аккумулирует новые данные и буквально допускает ad hoc только для того, чтобы сохранить «когерентность»), и Л. Бонжур как будто бы элегантно подводит под него «высокое обоснование» в рамках «более фундаментальной» эпистемологии. Очень хочется в это поверить. Однако такая точка зрения будет справедлива только в том случае, если мы уже рассматриваем концепцию Л. Бонжура как концепцию обоснования научного знания, что на самом деле очень сильное допущение. Это не так. В частности, ключевой момент оценки достоверности научного знания – интерсубъективность (те самые хорошо знакомые требования повторяемости и воспроизводимости результатов) вообще не представлен в концепции Л. Бонжура. И об этом напишут критики. «Эмпирическое знание» Л. Бонжура – это обозначение «природы» убеждений, которые анализируются, а также характеристик обоснования в смысле «эмпирических» как не «(исключительно) рациональных». И хотя традиция в целом не препятствует тому, чтобы любой разговор про «эмпирическое» можно отнести известному противостоянию «английского эмпиризма» и «европейского рационализма» соответствующего периода, не стоит забывать, что предмет исследования у теории познания, эпистемологии и философии науки – разный.

⁴ Как отмечают критики, к сожалению, понятие «стабильность» не добавляет стабильности концепции Л. Бонжура. В первую очередь, о стабильности какой части системы убеждений идет

Естественно, подобное понятие «стабильности» нельзя считать достаточно строгим, однако оно будет играть чрезвычайно важную роль в восьмой главе в ходе анализа аргумента «от мета-обоснования», который покажет, что когерентность таки «ведет к истинности». В этой главе, как нетрудно догадаться, представление о динамическом характере когерентности будет нужно Л. Бонжур для того, чтобы опровергнуть Возражение (I) ⁵.

речь? Скорее всего, учитывая то, что говорилось о когнитивно спонтанных убеждениях, речь идет о стабильности множества убеждений, описывающих мир на уровне здравого смысла, о тех самых «физических объектах среднего размера» и каких-то не самых строгих обобщениях, их касающихся. Но тогда о какой степени несоответствия между «старыми» представлениями на предыдущем этапе и «новыми» может идти речь? Где та самая качественная граница, которая позволит сказать, что нам нужен пересмотр когерентности системы? Даже для объектов обыденного восприятия, не говоря уже о теоретических объектах, например, постулируемых фундаментальными научными теориями. Могут ли «новые» данные, нарушающие когерентность на каком-то множестве убеждений (например, в области физики высоких энергий), заставить нас пересмотреть когерентность всей системы убеждений субъекта? Как вообще определяется желаемая «степень стабильности» в области фундаментальной геологии? Коррелирует ли она с аналогичными представлениями в области народной медицины? Естественно, Л. Бонжур наверняка скажет, что все эти вопросы надуманные и ему нет нужды еще раз повторять все, что он уже сказал. Однако вопросов становится больше, когда чуть дальше по тексту книги мы перейдем к мета-обоснованию. Немного забегаая вперед (здесь нас интересует не само мета-обоснование, а предполагаемая концептуальная связь между «стабильностью» и Эмпирическим Требованием) отметим, что *заключением*, которое Л. Бонжур намеревается обосновать, является утверждение: «Система убеждений, которая (а) остается когерентной и стабильной на протяжении долгого периода времени и (б) продолжает удовлетворять Эмпирическому Требованию, с большой вероятностью – пропорциональной степени когерентности и стабильности, а также длительности рассматриваемого периода, – близко (closely) соответствует независимой реальности» (с. 171). Интуитивно нам кажется, что когерентность и стабильность системы непрерывно находятся под угрозой. А значит, постоянно получая дополнительные «эмпирические» данные (что и гарантирует Эмпирическое Требование), когда-нибудь система должна потерять когерентность, либо она требует непрерывного пересмотра, который сохраняет когерентность, но может нарушить ее стабильность. Насколько вероятна ситуация, что да, на каком-то этапе система, удовлетворяющая Эмпирическому Требованию, потеряет свою когерентность-стабильность и, как предсказывает Л. Бонжур, перестанет достаточно точно объяснять мир, но когнитивно спонтанные убеждения, которые полагаются достоверными внутри системы, все также будут «безошибочно» причиняться внешней реальностью? Что если для сохранения стабильности (мы знаем, что Л. Бонжур связал когерентность и когнитивно спонтанные убеждения) не важно то, что происходит на «базовом» уровне когнитивно спонтанных убеждений, и достаточно определенных «манипуляций с системой» на «более высоких» уровнях? И потом, если мы уже предположили, что когнитивно спонтанные убеждения причиняются независимой реальностью, то какое еще объяснение требуется? Объяснение чему? Ведь мы сразу будем предполагать, что мир обладает определенной непротиворечивой (с точки зрения мира) структурой. Да, в заключении восьмой главы Л. Бонжур будет рассматривать альтернативные гипотезы, что когнитивно спонтанные убеждения не причиняются объективной реальностью. Но все это не будет иметь значения, если стабильность определяется в терминах «более высокого порядка». Достаточно вспомнить идеализм И. Канта.

⁵ Примечательно то, что если в когерентистской парадигме появляется возможность того, что когнитивная система, которая была когерентной в какой-то период времени, по его прошествии становится некогерентной, то Возражение (I) необходимо переписать. Теперь мы не можем сказать, что возражение заключается в том, что «в какой-то момент времени возможно существование одинаково когерентных, но несовместных систем, между которыми мы не сможем выбрать более обоснованную (а значит и более истинную), опираясь на когерентность как на единственную характеристику обоснования». Как отмечает Л. Бонжур: «это не возражение против когерентистской теории, поскольку оно затрагивает любую теорию обоснования, включая фаундалистские теории, не говоря уже о ситуациях, в которых принятые в настоящее время стандарты не могут выделить как более обоснованный тот или иной набор эмпирических утверждений. Знакомое куайновское представление о недоопределенности применимо и к фаундализму, и к когерентизму. На мой взгляд, в оригинале оно

В конце седьмой главы, учитывая тот факт, что формально ему осталось разобрать только решение третьего «Стандартного Возражения», касающегося вопроса о том, можно ли показать, что когерентно обоснованные убеждения с большой вероятностью являются истинными, Л. Бонжур формулирует основные положения искомой *когерентистской концепции обоснования эмпирического знания*. «С целью того, чтобы эмпирическое убеждение, которое является контин-

просто зависит от слишком жесткой заданной границы между теоретическим и эмпирическим, которая на самом деле так никогда и не была должным образом обоснована. Самый интересный момент здесь заключается в том, что мы *позволяем когерентности со временем исчезнуть*. Тогда Возражение (I) должно говорить о том, что «даже с учетом когерентности на большом промежутке времени и с учетом продолжающегося воздействия (continued impact), которое оказывают на систему убеждения наблюдения, все равно будут существовать одинаково когерентные системы эмпирических убеждений». Однако, как только мы разрешили пополнение эмпирического содержания системы посредством убеждений наблюдения, становится непонятным, почему вообще мы должны обращать внимание на это возражение. Суть исходной постановки Возражения (I) заключалась в том, что *альтернативные когерентные системы могут в принципе строиться произвольным образом*. Но такие произвольным образом выстроенные системы убеждений не будут удовлетворять Эмпирическому Требованию. Если мы построили систему, которая удовлетворяет этому Требованию, то нет никаких оснований предполагать, что когерентность будет сохраняться по мере накопления наблюдений, даже если в самом начале система была когерентна. Именно поэтому обоснование в когерентной теории апеллирует не к абстрактной ситуации, в которой когерентность полагается статической, а к динамическому представлению о когерентности претерпевающей системы убеждений, которую принимает данный субъект. Как следствие, постановка Возражения (I) изменится. В рамках динамического представления о когерентности полагание данных типов когнитивно спонтанных убеждений как достоверных, т. е. как убеждений наблюдения, не является следствием априорного рассуждения, а *зависит от того, как это наше предположение способствует достижению максимальной степени когерентности системы*. Представим, что в рамках одной когнитивной системы у субъекта есть два разных класса когнитивно спонтанных убеждений, таких что: а) если один класс определяется как класс убеждений наблюдения, то система будет оставаться когерентной на протяжении долгого периода; б) если другой класс определяется как класс убеждений наблюдения, то система также когерентна, только это будет уже другая, несовместная (incompatible), система убеждений, которая также будет оставаться когерентной на протяжении долгого периода; и в) если оба класса определить как убеждения наблюдения, то система станет менее когерентной и перестанет удовлетворять условиям обоснования. Когерентная теория не может предложить оснований, которые помогли бы выбрать между этими двумя результирующими когерентными системами. В то время как фаундалистская теория, по-видимому, смогла бы это сделать в зависимости от того, какие типы когнитивно спонтанных убеждений рассматриваются. В оригинале когнитивно спонтанные убеждения, которые являются убеждениями наблюдения, являются когерентными и согласованными (in agreement) друг с другом. При этом объяснение этого факта, – их внутренней согласованности и когерентности, – должно выбираться из *всего* множества доступных субъекту объяснений, которые не нарушают представление о когерентности всей системы. Очевидным объяснением внутренней согласованности и когерентности убеждений этих классов будет то, что они изначально произведены (caused) таким образом, что отражают объективную реальность. А это значит, что когда мы говорим о двух несовместных системах убеждений, мы должны апеллировать к двум разным таким объяснениям. (Отметим, что такой ход рассуждений Л. Бонжура, во-первых, структурно представляет собой <вывод к лучшему объяснению> в интерпретации <Чудеса не принимаются> Х. Патнэма; во-вторых, существенно зависит от <метафизических предпочтений> субъекта, от наличия у него примеров разных по своей природе онтологических представлений. – Н. Г.). И несмотря на то что такая ситуация *возможна*, я не думаю, что это серьезная угроза. Сначала мы предполагали, что *всегда* будет существовать бесконечно число одинаково когерентных и несовместных систем убеждений, а теперь мы говорим о *двух возможных* (привязанных к разным онтологическим допущениям). – Н. Г.). Последнее возражение гораздо слабее, и я не думаю, что оно представляет угрозу обсуждаемой теории» (с. 144–146). Таким образом, реализм и Эмпирическое Требование помогают Л. Бонжуру свести Возражение (I) к «слабой» форме, которая по сути уже возражением не является.

гентным, – а значит, не может быть обосновано априорно, – было *эмпирически обосновано*, должны быть выполнены следующие четыре условия.

(а) Убеждение должно быть частью системы убеждений, которая актуально принадлежит (held by) какому-либо субъекту. Сила когерентистского обоснования зависит от факта, что система убеждений когерентна не только в настоящий момент, но остается когерентной на протяжении какого-то времени. И *только сохранение когерентности обеспечивает достаточные основания полагать, что обоснованные убеждения с большой вероятностью истинны*. Конечно, мы можем задаться вопросом: будет ли обосновано данное убеждение, если бы оно принадлежало системе, которой сейчас не принадлежит. И в этом случае мы будем рассматривать гипотетическую ситуацию, в которой актуальный субъект принимает это убеждение на протяжении какого-то времени.

(б) Система убеждений, о которой идет речь, должна удовлетворять Эмпирическому Требованию. Мы понимаем, что приведенная формулировка достаточно нечеткая (vague), но это не проблема. Эмпирическое Требование было введено для того, чтобы рассматривать такие “экстремальные” случаи, когда субъект настойчиво отбрасывает (reject) предполагаемые наблюдения для того, чтобы сохранить свое особенное представление о том, какой должна быть теория или система взглядов. Но большинство таких “спасаемых систем” могут быть отброшены (ruled out) на основании их слабой степени когерентности, без необходимости вспоминать о Требовании.

(в) Система убеждений должна обладать достаточно высокой степенью когерентности, большей, чем любая альтернативная система, которая удовлетворяет условию (б). Это также весьма нечеткое требование, поскольку высокой степени когерентности системы может быть недостаточно для того, чтобы говорить об обоснованности убеждений, достаточной для знания. И это также не проблема. Всегда будут системы, удовлетворяющие Требованию, которые, очевидно, превосходят требуемый уровень когерентности. И решение, какую из них принять, будет зависеть от практической ситуации, а не от рассуждений об “уровне”. И конечно, всегда есть нечеткость относительно самого понимания когерентности, которая, конечно, скажется на предполагаемом “компаративном сравнении когерентностей”. Однако здесь можно заметить, что каким-то образом представление о когерентности все же является элементом любой концепции знания, а значит это не проблема.

(г) Субъект должен рефлексивно схватывать тот факт, что его система убеждений удовлетворяет условию (в), – основание того, почему субъект должен *продолжать* (continue) принимать убеждение, чье обоснование анализируется. Это рефлексивное схватывание гарантируется Доксастическим Допущением. При этом я не думаю, что субъект должен рефлексивно схватывать другие два условия, – поскольку они в меньшей степени, нежели условие (в), связаны с основаниями, необходимыми для оценки истинности убеждения. Это условия, которые должны быть выполнены, прежде чем главное условие (в) вступит в силу» (с. 153–154).

Корреспондентная гипотеза, проблема соотношения наблюдаемого и ненаблюдаемого и Злой Демон

Первая часть восьмой главы строго не рекомендуется к прочтению. А большинство «аналитически настроенных» философов почти наверняка спросит

с недоумением: «О чем вообще может идти речь, если в концепции, которая претендует на то, чтобы быть достаточно строгой, вдруг появляются откровенные и ничем (как обычно, кроме “здорового смысла”) не контролируемые метафизические рассуждения, которые обосновывают, что корреспондентная теория истинности – это лучший и единственный выбор, который может сделать сторонник когерентистской концепции обоснования эмпирического знания». Это так. И те, кому не слишком интересна внутренняя аргументация Л. Бонжура (а, в общем-то, обычный читатель не обязан детально разбирать все тонкости рассуждений автора, тем более что сам автор постоянно подчеркивает, что он приводит «очевидно, очень приблизительные (*very approximate*)» соображения), остановятся на том, что «важная задача, которая стоит перед нами, заключается не только в том, чтобы предложить определенные стандарты эпистемического обоснования, но также обосновать то, что эти стандарты являются приводящими к истине (*truth-conducive*)» (с. 157). И поскольку в самом начале книги Л. Бонжур подал «обоснование стандарта» как «мета-обоснование», а также отметил, что «предметом мета-обоснования являются стандарты обоснования именно *эмпирического знания*, а значит, никакие эмпирические посылки здесь использоваться не могут. По своей природе, аргумент в пользу мета-обоснования должен быть *исключительно* априорным» (с. 10), – то можно подумать, что все, что Л. Бонжур хотел сказать об обосновании именно эмпирического знания, он уже сказал. И это правда. При прочих равных они будут считать, что на самом деле когерентистская концепция обоснования знания Л. Бонжура – это скрытая форма фаундализма. Поскольку по сравнению с эмпирическими убеждениями априорные убеждения отличаются тем, что их обоснование не обращается к другим эмпирическим убеждениям, а значит, они естественным образом претендуют на эпистемический приоритет⁶. Как мы уже отмечали, отслеживание знакомых понятий (когерент-

⁶ Приведем несколько замечаний, на которых останавливается Алвин Голман. Удалось ли Л. Бонжуру преодолеть регресс? «Переход к априорному мета-обоснованию только откладывает (*postpone*) решение проблемы. А не требуется ли каждому априорно обоснованному убеждению априорное мета-обоснование? Он отрицает необходимость мета-обоснования для априорных убеждений, но на каких основаниях? Он говорит, что это следствие требования “эпистемической ответственности”. Субъект эпистемически ответствен, если он принимает только те убеждения, по отношению к которым у него есть хорошие основания полагать, что они истинны. Отсюда появляется требование мета-обоснования. Является ли универсальная истинность априорно обоснованных априорных убеждений основанием принимать их эпистемически ответственно?» [Goldman, 1989б, р. 107]. И здесь А. Голдман ссылается на отрывок уже из приложения А, который нельзя не привести: «Априорное знание является существенной (*essential*) составляющей концепции когерентизма и не может опираться на когерентность. Некоторый *другой* тип (оценки знания. – Н. Г.) необходим для оценки априорного знания» (с. 193). В заключении приложения А Л. Бонжур напишет: «Каждое из априорных убеждений, которое не выведено дедуктивно из таких же, должно оцениваться по индивидуальным критериям (*merits*), не обращаясь к более общим стандартам, которые будут требовать мета-обоснования. Одна из идей заключается в том, чтобы зафиксировать следующую интуицию *a priori*: если мы *понимаем* априорную пропозицию, то *ничего кроме* этого понимания – никаких других стандартов – не требуется для того, чтобы “видеть” и интуитивно воспринимать (*apprehend*), что пропозиция является истинной; и ничего больше не требуется для обоснования убеждения, что эта пропозиция является истинной» (с. 210–211). И в чем-то А. Голдман прав. Мы понимаем, что необходимость мета-обоснования является следствием принятия интернализма и отсюда же характерное представление об «эпистемической ответственности». И теперь уже в контексте рассуждений об «ответственности». Вопрос даже не в том, на каких основаниях требование «понимания» должно быть достаточным условием реали-

ность, обоснование, истинность) не приблизит вас к пониманию того, что именно хотел сказать Л. Бонжур.

Внимательный читатель, заинтересованный в том, чтобы до конца проследить аргументацию в пользу авторской концепции обоснования эмпирического

закон соответствующего представления об «эпистемической ответственности» на уровне априорного знания. Вопрос в том, почему условия достаточности удовлетворения требованию «эпистемической ответственности», отвечающие уровню апостериорного знания, не должны работать на этом уровне априорного знания? Ведь и там, и там критерий один – «хорошие основания полагать, что убеждения истинны». И все это можно повторить в контексте рассуждений о «преодолении регресса». Если с апостериорным уровнем знания все понятно, то не означает ли требование «обозначить другой тип (не возвращающий нас к идее априорного мета-обоснования) оценки априорного знания» необходимость условного «третьего» уровня? Это замечание А. Голдмана ведет к следующему. Почему концепцию Л. Бонжура стоит называть «когерентистской»? «В концепции Бонжура когерентность не является характеристикой всего обоснования, она относится только к апостериорному обоснованию. И положение усугубляется тем, что он предлагает некогерентистскую интерпретацию априорного обоснования, которая, как выясняется, не удовлетворяет его же требованию мета-обоснования: субъект в контексте априорного обоснования не должен демонстрировать, что интуитивное схватывание априорных убеждений является приводящим к истине. Традиционно полагается, что эпистемическое обоснование является унитарной (unitary) концепцией, – необходимо, чтобы была какая-то характеристика (или их множество), которую бы разделяли все обоснованные убеждения. Эта характеристика должна быть общей для всех. И это то, что анализирует и объясняет теория эпистемического обоснования. Но концепция Бонжура не такая. Когерентность не является основной (essential) характеристикой обоснованных убеждений, точно так же как мета-обоснование» [Goldman, 19896, p. 113]. Это так. Холистическое обоснование в представлении Л. Бонжура действительно проходит на двух уровнях, каждый из которых предъявляет свои требования к посылкам. И тут, на наш взгляд, в контексте обоих приведенных замечаний А. Голдмана особое значение должен играть не вопрос об «ответственности» или о «понимании», а вопрос о том, как Л. Бонжур трактует представление об эпистемической рациональности в целом. Означают ли эти «два уровня» два типа рационального рассуждения или Л. Бонжур принимает одну, но чем-то ограниченную концепцию рациональности? И вполне возможно, что Л. Бонжур даже никогда и не задумывался об этом.

Мы знаем, что Л. Бонжур рационалист. Он предлагает концепцию обоснования, не слишком отличающуюся от концепции того же Р. Декарта. В конечном итоге когерентизм Л. Бонжура опирается на определенные «априорные истины», которые доступны пониманию «чистым разумом». Неудивительно, что впоследствии Л. Бонжур напишет книгу «В защиту чистого разума. Рационалистская интерпретация априорного обоснования» (1998). Однако тут есть проблема. Рационализм как один из ключевых тезисов всей западноевропейской философии можно трактовать по-разному. Например, как утверждение, что «все, что существует, имеет рациональную трактовку и рациональное объяснение (независимо от того, знаем ли мы это объяснение сейчас или нет)», скажем, в духе парменидовского «мысль и мыслимое – одно и то же». И в этом смысле рационализм может противопоставляться такой разновидности иррационализма как, например, фидеизм. (Под «иррационализмом» будем понимать общий термин, объединяющий концепции, противопоставляемые различным трактовкам рационализма). Для Б. Паскаля или С. Кьеркегора некоторые фундаментальные вещи *должны* быть «приняты на веру» просто потому, что они по определению не имеют и не могут иметь такого «рационального объяснения». И в этом смысле некоторые вещи, которые Л. Бонжур может считать «самоочевидными» (такие как априорная истина «все требует объяснения»), для фидеистов такими гарантированно не будут (какие-то «вещи» объяснения не требуют). Это пример того, что сама структура «рационального рассуждения» может быть разной. В фидеистской парадигме апелляция к априорным истинам, на которые опираются ключевые элементы концепции Л. Бонжура, – Доксастическое Допущение, Эмпирическое Требование, мета-обоснование, – будет «работать» по-другому. А теперь вспомним о другом возможном делении, которое касается не «возможности объяснения», а «содержания оснований и источника знания» – рационализм vs эмпиризм. Это другая трактовка рационализма. И в ней априорная истина «все требует объяснения» не будет «априорной» (!). И поскольку на материале книги достаточно сложно восстановить, что по этому поводу думает Л. Бонжур, – как именно он понимает рациональное рассуждение, – стоит признать, что вопрос А. Голдмана «Как с точки зрения “эпистемической ответственности” удастся примирить требования совершенно разных “уровней обоснования”?» остается без ответа.

знания, скорее всего, должен начать с мотивации: «Основная проблема заключается в том, что нельзя просто так апеллировать к истине как к причине (*rationale*) принятия стандартов обоснования. Ничто не запрещает нам говорить так, независимо от того, как именно понимается обоснование. Какой бы странной (*bizarre*) ни была концепция обоснования, мы всегда можем сказать, что истина понимается как предельное (*in-the-long-run*) обоснование. Необходимо *заранее* обосновать то, какая концепция истины выбирается и почему. Другой альтернативы стандартному и привычному представлению об истинности как о соответствии независимой реальности нет. И это значит, что мета-обоснование для нашей когерентистской концепции эмпирического обоснования *должно* показывать, что когерентность данной системы убеждений с большой вероятностью дает (*yield*) соответствие. Подобная неожиданная комбинация когерентной теории обоснования и корреспондентной теории истинности, на наш взгляд, является *единственной надеждой* одновременно и *обойти* и *фаундализм*, и *скептицизм*, и *выступить в защиту* и эмпирического знания, и привычной концепции реальности. И даже если поставленная задача кажется многим слишком утопичной, – любая концепция мета-обоснования стандартов обоснования эмпирического знания *должна* быть априорной, – ее все равно нужно решать» (с. 158). Так в общих чертах Л. Бонжур закрепляет идею, что ему *необходимо* показать, что система эмпирических убеждений, которая обоснована в соответствии со стандартами его когерентистской концепции, тем самым соответствует реальности. И как всегда, отдадим должное Л. Бонжуру, особое внимание уделяется «предварительным замечаниям:

(а) Только в том случае, если система убеждений сходится (*converges on*) и на достаточно большом промежутке времени сохраняет достаточно стабильную картину внешнего мира, – тем самым сохраняя когерентность и на временном промежутке, и на данное время, – так понимаемая когерентность дает основания полагать, что убеждения, составляющие систему, с большой вероятностью истинны. Стабильность по времени, а определенная степень стабильности по времени является необходимым условием того, что мы вообще можем выделить систему убеждений, – это один из аспектов *динамического* понимания когерентности, и это достаточно серьезная (*crucial*) характеристика, которая должна учитываться мета-обоснованием⁷.

⁷ Как отмечает Л. Бонжур: «Мы должны понимать разницу между апелляцией к стандартам эпистемического обоснования в какой-то конкретный (*particular*) момент времени и последовательным согласованным (*consistent*) их применением в течение достаточно длительного времени, – разницу между системой убеждений, которая является когерентной в данный момент, и системой убеждений, которая сохраняет обоснованность на протяжении долгого времени. При этом “длгое время” может не быть бесконечно долгим. Было бы очень хорошо, если бы мы могли сказать, что даже кратковременное (*shot-run*) применение стандартов эпистемического обоснования к системе позволяет заключить, что она с большой вероятностью истинна, но настолько сильная (*strong*) трактовка стандартов обоснования нам не нужна; более того, нам не известна ни одна модель эмпирического обоснования, которая бы это демонстрировала. Нам достаточно будет показать, что, придерживаясь (*adhere*) когерентистского стандарта обоснования в течение какого-то достаточно длительного периода (*over the long run*), мы с большой вероятностью получим убеждения, соответствующие реальности. И это именно тот ориентир, на который нацелен наш аргумент. Естественно, достижение и фиксация обоснования системы на протяжении какого-то достаточно длительного периода делает разумным с эпистемической точки зрения применение стандарта обоснования и в какой-то конкретный момент или на небольшом отрезке времени. И все это только относительно принятого представления об обо-

(б) Эмпирическое Требование, сформулированное в параграфе 7.1, *гарантирует* (guarantees), что система убеждений будет получать дополнительное (input) эмпирическое содержание. Более того, как мы увидим, именно *сохранение когерентности перед лицом новых данных* дает основание полагать, что система убеждений с большой вероятностью истинна. А значит, продолжающееся (continued) удовлетворение Эмпирическому Требованию является важной (essential) предпосылкой предполагаемого аргумента, и мета-обоснование должно апеллировать к тому, что наша концепция включает это условие⁸.

сновании с учетом того, что вы одновременно не рассматриваете альтернативные стандарты, которые, например, гарантируют, что их непосредственное применение тут же приведет к успеху» (с. 169–170). Если система сохраняет когерентность на протяжении какого-то промежутка времени, является ли она когерентной в каждый момент времени? Как быстро происходит фиксация эпистемического статуса? Естественно, это все «схоластические» искусственные вопросы, которые являются следствием неправильного понимания ситуации. И таких примеров много, достаточно вспомнить критику Л. Бонжуром экстерналистского «решения» проблемы «парадокса лотереи» в первой части книги (с. 53–57), или, например, «решение» известных апорий «Ахиллес и черепаха» или «Стрела» средствами математического анализа, – «решения», которые приводятся без учета оригинальной постановки задачи (что, конечно, не мешает некоторым авторам, даже не открывавшим «Метафизику» Аристотеля, тешить свое самолюбие обнаруженными «решениями» и оригинальными мыслями). Эвиденциализм как концепция эпистемического обоснования всего лишь утверждает, что эпистемический статус приписывается убеждению на основании сравнения этого убеждения с другими (см.: [Chisholm, 1989, ch. 2]). И даже попытка Эрла Кони и Ричарда Фелдмана придать более строгий вид определению привела к следующему: «Доксастическая установка *D* по отношению к пропозиции *p* эпистемически обоснована для *S* в момент времени *t*, если и только если обладание *D* по отношению к *p* соответствует данным (evidence), которыми *S* обладает в момент времени *t*» [Conee, Feldman, 2004, p. 83]. Формально «момент времени *t*» присутствует, но важным является именно приписывание эпистемического статуса. И в этом смысле Л. Бонжур, конечно, прав, нужно оценивать «конечный результат». В терминах его концепции все это гарантированно займет какое-то время – появление когнитивно спонтанных убеждений, рефлексивное схватывание их содержания, отнесение к соответствующему типу и обоснование достоверности, согласование и помещение их в общий когерентный контекст системы убеждений и т. д. И естественно, все это предполагает перманентную ревизию когерентности системы перед лицом постоянно прибывающих данных, в том числе новых типов. В определенном смысле мы имеем дело с очередной интерпретацией парадокса «сорит» и попыткой решить его в терминах достижения «эффективного предела» (см.: [Головкин, 2012]). С той особенностью, что в данном случае апелляция к «достаточно длительному периоду (over the long run)» нужна для того, чтобы при прочих равных «действительно» убедиться в том, что на протяжении этого периода система сохраняет когерентность, а значит в целом «убеждения соответствуют реальности».

⁸ Примечательно то, что, как правило, этот пункт (б) вызывает не меньше вопросов, чем все последующие рассуждения Л. Бонжура. Как отмечает Сьюзан Хаак: «И хотя у меня есть сомнения, что аргумент мета-обоснования сможет выдержать детальный критический анализ, моей целью является утверждение, что Эмпирическое Требование *гарантирует* то, что система, удовлетворяющая ему, будет получить эмпирическое (observational) пополнение. Если мы внимательно посмотрим на Эмпирическое Требование, то можно обнаружить двусмысленность (ambiguity). Мы можем принять “доксастическую” интерпретацию – субъект убежден (believe that he has), что у него есть когнитивно спонтанные убеждения и что они достоверны, а можем принять “практическую” (experientalist) интерпретацию – у субъекта есть (have) когнитивно спонтанные убеждения и он убежден, что они достоверны. (В определенном смысле это различие аналогично различию “доксастического” и “пропозиционального” обоснования. – Н. Г.). Когда Бонжур говорит, что “система убеждений должна содержать законы, приписывающие достоверность когнитивно спонтанным убеждениям”, – остается непонятным, должна ли система *актуально* содержать когнитивно спонтанные убеждения. И эта двусмысленность представляет собой большую угрозу. В седьмой главе, формулируя Эмпирическое Требование, Бонжур пишет, что оно “эффективно гарантирует, что когнитивная система, которая ему удовлетворяет, будет получать по крайней мере явное (at least apparent) пополнение” (с. 142). В восьмой главе, когда Эмпирическое Требование становится важным (vital) элементом мета-обоснования,

(в) Очевидно, что когерентность, точно также как стабильность во времени или обоснование, *всегда встречается в какой-то степени*. Это не истинность. А значит, заключение предполагаемого аргумента, при прочих равных, должно учитывать тот факт, что само понятие соответствия данной системы убеждений реальности предполагает зависимость от степени когерентности и/или от времени стабильности этой системы» (с. 170). Только после этого Л. Бон-

«по крайней мере» пропадает и оно просто «гарантирует» (с. 170) пополнение системы. И тут нужно сделать два замечания. Во-первых, в «доксастической» интерпретации он *не может* ничего «гарантировать». Возможно, следует предположить, что если Эмпирическое Требование в «доксастической» интерпретации выполнено и субъект обоснован в некоторых убеждениях, которые эмпирические (observational) по происхождению, то тогда субъект будет не только «убежден», но и «убежден с обоснованием», что у него есть убеждения, эмпирические по происхождению. И этого все равно будет *недостаточно* для того, чтобы гарантировать пополнение (input) системы. Возможно, Бонжур тайно (covertly) в плену обнадеживающей (reassuring) мысли, что мета-обоснование предполагает, что если субъект убежден с обоснованием, что у него есть убеждения, эмпирические по происхождению, то тогда, возможно, у него есть убеждения, эмпирические по происхождению. Но эта мысль не помогает. Ибо его мета-обоснование само полагается на допущение, что пополнение системы гарантируется, если Эмпирическое Требование выполнено.

Во-вторых, можно показать, что «практическая» интерпретация вообще радикально меняет природу концепции Бонжура. При прочих равных в «доксастической» интерпретации верно, что (1) «система убеждений когерентна и включает убеждения, которые говорят о том, что такие-то убеждения являются когнитивно спонтанными». И эта интерпретация, по-видимому, и отвечает исходной задумке Бонжура. Интерналистская когерентистская концепция, которая тем не менее не гарантирует эмпирическое пополнение системы. В «практической» интерпретации верно, что (2) «система убеждений когерентна и включает когнитивно спонтанные убеждения». И эта интерпретация гарантирует эмпирическое пополнение системы, но производная концепция обоснования сама по себе уже не будет той концепцией, которую Бонжур хочет предложить, – она не будет когерентистской. Предложение (1) целиком доксастическое. Оно выражено (couched) в терминах отношений между убеждениями субъекта и, тем самым, созвучно (consonant) с когерентизмом. Однако предложение (2) не является целиком доксастическим. Оно не выражено только в терминах отношений между убеждениями субъекта. Оно говорит, что тот факт, что какие-то убеждения системы являются эмпирическими по происхождению, является необходимым условием того, что убеждения системы будут обоснованы. Как следствие, в «практической» интерпретации Эмпирического Требования концепция Бонжура не может оставаться когерентистской. Однако ее также нельзя будет считать и фаундалистской. Потому что разница между базовыми и инференциальными убеждениями в их обосновании, а Бонжур настаивает на том, что когнитивно спонтанные убеждения не инференциальны по происхождению, но инференциальны по обоснованию. Если бы Бонжур разделял нашу точку зрения, то он мог бы сказать, что система, которая не только включает когнитивно спонтанные убеждения, но также в которой когнитивно спонтанными являются убеждения, относительно которых субъект убежден в том, что они являются когнитивно спонтанными, является «фаундгерентистской» (foundheretist) [Haak, 1992, p. 20–22]. В рецензии на первую часть книги Л. Бонжура мы уже обращали внимание на то, что С. Хаак не принимает дихотомию когерентизм/фаундализм (см.: [Головкин, 2023]). Однако даже если мы согласимся с тем, что Л. Бонжур проглядел (а, по-видимому, это действительно так) возможность «не-доксастической» трактовки Эмпирического Требования, в любом случае он не откажется от дихотомии когерентизм/фаундализм. Эта дихотомия является значимой частью «метафизических допущений», которые принимает Л. Бонжур. Это во-первых. А во-вторых, когда Л. Бонжур рассматривал еще один не менее (а может и более) одиозный момент – «достоверность должна определяться изнутри системы убеждений», он отметил: «Я не буду обращать внимание на разницу между актуальными фактами в каждом из примеров и моей субъективной их интерпретацией (например, рассматривая, является ли убеждение когнитивно спонтанным, выполнены ли условия наблюдения, является ли убеждение с высокой вероятностью истинным), просто приму, что они находятся в соответствии друг с другом, если специально не оговаривается обратное» (с. 119). И, скорее всего, он и здесь бы написал, что «субъективный опыт находится в соответствии с актуальными фактами» и что «субъект должен быть способен распознать убеждение соответствующего вида».

жур формулирует, по сути, свой основной тезис, более известный как аргумент «от мета-обоснования», который, кроме прочего, также является его ответом на Возражение (III).

(MJ) «Система убеждений, которая (а) остается когерентной и стабильной на протяжении долгого периода времени и (б) продолжает удовлетворять Эмпирическому Требованию, с большой вероятностью – пропорциональной степени когерентности и стабильности, а также длительности рассматриваемого периода, – близко (closely) соответствует независимой реальности» (с. 171)⁹.

И прежде чем сфокусироваться на посылах аргумента и его обосновании, на наш взгляд, имеет смысл привести комментарии, которые дают возможность понять логику рассуждений самого Л. Бонжура. «Интуитивная идея, скрывающаяся за аргументом, который будет предложен, заключается в том, что *зафиксированная ситуация должна иметь адекватное объяснение*. Когерентность-стабильность системы убеждений – это достаточно сложный и уязвимый (fragile) феномен, который легко нарушить, а значит в принципе (inherently) маловероятно, что система убеждений, которая постоянно получает дополнительное (input) эмпирическое содержание, как это гарантируется Эмпирическим Требованием, будет оставаться когерентной без постоянного (constant) пересмотра когерентности перед лицом новых данных до того момента, когда ее стабильность будет нарушена. Нам необходимо объяснить, *почему система продолжает оставаться стабильной*. И самое очевидное объяснение заключается в том, что система убеждений соответствует (match) независимой реальности, которую она описывает (purports to describe), причем достаточно точно (closely enough) для того, чтобы минимизировать появление (input) потенциально деструктивных (disruptive)

⁹ Есть несколько моментов, на которые приведенная формулировка (MJ) буквально обращает внимание. Во-первых, Л. Бонжур реалист, но приведенная формулировка наверняка будет удовлетворять, например, метафизике Дж. Беркли, которого, как известно, традиция относит к английскому эмпиризму, – вопрос эмпирического обоснования знания был для него важен. Известный тезис «существовать – значит быть воспринимаемым» предполагал и объекты, аналогичные «когнитивно спонтанным убеждениям», и то, что «обоснование по своей природе является приводящим к истине». Проблема в том, что у Дж. Беркли была другая онтология, – автором «когнитивно спонтанных убеждений» был Бог, а «объяснение», о котором говорит Л. Бонжур, апеллировало не к «независимой реальности», а к «сознанию Бога». Все это не значит, что Л. Бонжур должен помнить о Дж. Беркли, но определенная дистанция именно в терминах выбранной метафизической модели (а как мы видим, на первый взгляд, вполне возможно использовать приведенную структуру аргумента совершенно в другом дискурсе) важна. В пользу Л. Бонжура, конечно, свидетельствует параграф 8.2. «Реализм и корреспондентная теория истинности», который, на наш взгляд (и это совершенно неожиданно, учитывая тот факт, что Л. Бонжур, как мы видим, сторонник «чистого разума»), является *образцовым примером* того, как нужно говорить о реализме.

Во-вторых, и этот вопрос можно задать любому модельному представлению, – а какие основания есть у нас, чтобы предполагать, что мы рассматриваем реальную ситуацию? Вопрос об обосновании эмпирического знания, вопрос об эмпирическом (противопоставляемом априорному) обосновании, как правило (и уже тем более, если мы говорим о возможности интерпретации построений Л. Бонжура в контексте проблемы обоснования научного знания, например, в области физики или археологии) предполагает, что мы рассматриваем «эмпирическую ситуацию», требующую обоснования. К чему в реальной практике ученых относится (MJ)? И это, конечно, не вопрос к Л. Бонжуру, он интересен сам по себе, – мы просто фиксируем то, что нам хотелось бы, чтобы (MJ) начинался с какой-нибудь условной «фактуальной» посылки. И еще вопрос, который тут можно вспомнить. В собственных терминах концепции Л. Бонжура «доступ к существованию» анализируемой когерентной системы требует Доксастического Допущения, – и этот момент тоже, на наш взгляд, почему-то опущен.

новых данных. Общий замысел должен быть понятен: должно существовать какое-то адекватное объяснение тому факту, что система когерентна на длительном отрезке времени. И если это объяснение в терминах истины является более вероятным, чем объяснения в других терминах, то тогда можно говорить о достижении какой-то степени достоверности. Будет ли это объяснение “более вероятно, чем не вероятно” или “вероятно настолько, чтобы мы могли сказать, что мы знаем” и т.д., будет зависеть от того, “насколько вероятно, что такое объяснение существует”, и от того, “насколько данное объяснение *лучше*, чем другие объяснения”, – а все эти моменты, в свою очередь, будут зависеть от степени когерентности и стабильности системы на этом промежутке времени. И все эти вещи должны быть детально представлены по ходу аргумента» (с. 171–172)¹⁰. Принимая во внимание

¹⁰ Один из моментов, который часто подчеркивают критики, заключается в том, что, по сути, основанием мета-обоснования является «вывод к лучшему объяснению». Не вдаваясь в детали о проблемах абдукции (вероятностный вывод объяснения имеющихся фактов посредством ранее обоснованных гипотез – «мы видим цепочку характерных отпечатков на песке и заключаем, что недавно по пляжу прошел человек»), отметим, что с точки зрения «лучшего объяснения» аргумент Л. Бонжура, судя по всему, точно не является лучшим (см., например: [Головкин, 2008]). Исходная постановка вполне понятна. У нас есть то, что нужно объяснить: «...система убеждений, продолжая удовлетворять Эмпирическому Требованию, остается когерентной и стабильной на протяжении долгого времени» (с. 171), под Эмпирическим Требованием понимаем то, что «система должна содержать законы, приписывающие высокую степень достоверности для достаточно большого количества типов когнитивно спонтанных убеждений» (с. 141). Мы должны, по замыслу Л. Бонжура, показать, что наилучшим объяснением этого факта является гипотеза о том, что «система соответствует объективной реальности» (одновременно это будет обоснованием (М)), а также покажет «связь между когерентностью и истинностью» – даст ответ на третье «стандартное возражение»). Показать это нужно априорно, поскольку мета-обоснование стандартов обоснования эмпирического знания должно быть априорным. И в этом сложность. Ставя перед собой задачу предложить именно априорный аргумент, Л. Бонжур должен показать его *необходимость*, проще говоря, показать, что он выполнен для всех гипотез. Однако он ограничится лишь «зарисовкой» – рассмотрит восемь альтернативных объясняющих гипотез в заданной им системе координат «нормальные» – «скептические» гипотезы (насколько она полна?), и кроме того, останется вопрос – а были ли соответствующие заключения получены именно исключительно априорно? Второй момент подчеркивает Алан Голдман: «Любая реалистская эпистемология, включая концепцию Бонжура, должна опираться на предположение, что *вывод к лучшему объяснению сам по себе является выводом, сохраняющим истинность* (truth-preserving), по крайней мере в заданном контексте. А значит, мы должны принять интерсубъективную (interpersonal) и натуралистическую посылку. На перцептуальном уровне мы полагаем, что именно объясняющий вывод связывает перцептуальные убеждения и стимулы и что эта форма вывода эволюционировала вместе с нашим видом, предоставляя нам необходимую информацию об окружающем мире, достаточно точную для того, чтобы обеспечить выживание. Последнее, как минимум, требует информации о положении и каких-то характеристиках объектов “среднего размера”, которые могут представлять угрозу, быть источником пищи и так далее. В этом смысле маловероятно, что квазивыводные перцептуальные механизмы, производящие перцептуальные убеждения (которые объясняют поступающие данные (raw data) в терминах характеристик объектов среднего размера), будут приводить к совершенно ложным объяснениям. Да, такое обоснование перцептуального “объяснения по индукции” будет отчасти носить циклический (circular) характер – апеллировать к плохой обратной связи либо к самообоснованию, но на этом уровне общности и глубины у нас есть *только этот* аргумент. И на самом деле такое обоснование фундаментальных эпистемических принципов не является ни тривиальным, ни пустым (тут можно вернуться к обоснованию Л. Бонжура Доксастического Допущения. – Н. Г.). Другая проблема такого натуралистического аргумента заключается в том, что нам нужно попытаться расширить его за пределы уровня восприятия и представлений о непосредственно наблюдаемых объектах. Использование объяснения по индукции для построения научных теорий относительно ненаблюдаемого имеет совсем другую форму и совсем не похоже на эту его примитивную форму, когда мы говорим об объяснении восприятия. У нас вывод к ненаблюдаемому посредством наблюдаемых положений дел (необходимых для выживания), где под-

эти соображения, Л. Бонжур приводит две посылки, обоснование которых займет все последние пятнадцать страниц книги.

(P₁) «Если система убеждений остается когерентной и стабильной на длительном промежутке времени, при этом продолжая удовлетворять Эмпирическо-

тверждение будет устанавливать *когерентность* между этим объясняющим выводом и непосредственно наблюдаемым. И даже на самых глубоких теоретических уровнях мы можем утверждать, что хорошая объясняющая теория *исправляет* систематические ошибки восприятия (а значит, способствует когерентности. – Н. Г.), например, наивное приписывание характеристики цвета или вкуса. Научные теории делают это посредством апелляции к окружающей реальности в форме экспериментальной проверки объясняющих гипотез в хорошо контролируемых лабораторных условиях. И это можно рассматривать как аналог, хотя и неточный, естественного отбора самой формы вывода в том виде, как он работает на менее теоретическом уровне обыденного восприятия» [Goldman, 1989a, p. 131–132]. Это замечание А. Голдмана, что «прежде чем применять вывод к лучшему объяснению, мы должны убедиться в том, он сам по себе является выводом, сохраняющим истинность», по-видимому, указывает на главную недостающую часть (М). Л. Бонжур подменяет «демонстрацию сохранения истинности» вывода его необходимостью. Ему нужно объяснить, почему сохраняющая когерентность система при непрерывном ее пополнении новыми эмпирическими данными будет истинна. Его лучшее объяснение: «потому что система убеждений соответствует реальности». И прекрасно понимая, что ему никак не добиться полноты анализа множества рассматриваемых объясняющих гипотез, – показать, что нет других объяснений, которые могут быть даже лучше намеренного, – он допускает (это наша реконструкция), что если он априорно (т.е. с необходимостью) покажет, что существует актуальный вариант объясняющей гипотезы, которая лучше других, – пусть даже и на каком-то конечном множестве доступных гипотез, – объясняет то, что нужно, то проблемы не будет, именно поскольку *априорное обоснование необходимо*. Проблема в том, что есть достаточное число критиков, которые покажут, что Л. Бонжур не смог построить собственно априорное обоснование.

В качестве шутки можно отметить, что теоретически существует и более экзотический вариант показать, что объясняющий вывод является «сохраняющим истинность». Но для его иллюстрации мы должны выбрать «длинный и запутанный путь» и предположить, что концепция Л. Бонжура как минимум будет работать в философии науки, а также то, что такие важные понятия, как «истинность», «достоверность внутри системы» и «граница между наблюдаемым и не-наблюдаемым» можно адекватно интерпретировать, например, с точки зрения философии времени или любой другой достаточно фундаментальной философской системы, которые, в свою очередь, можно как-то (как?) соотносить с анализом проблемы обоснования эмпирического знания. И не вдаваясь в детали анализа проблем позитивистской модели науки (таких как возможность эмпирически эквивалентного описания), или темпоральной интерпретации метафизики науки (состоятельность объединения трехмерной структуры пространства и одномерного времени в единую онтологическую структуру и т.д.), или в обсуждение того, как вообще возможны такие сложные компаративные системы, состоящие, по сути, из кусочков различных онтологий, принадлежащих разным «последовательностям», можно отметить следующее. В самом начале пятой главы Л. Бонжур говорит о необходимости различать «критерий истинности» и «метафизическую концепцию истинности» (см., например, с. 88). С одной стороны, объяснение того, почему данное утверждение истинно (когерентная система убеждений истинна, потому что соответствует объективной реальности), а с другой – *природа* истинности. И в этом смысле рассуждения о «природе истинности», – принятие онтологии специального вида, могут зафиксировать необходимый момент, связанный с интересующим нас «сохранением истинности» объяснения. (В этом рассуждении нет ничего странного, так как именно *необходимый* характер априорного обоснования и соответствующее понимание «природы истины» и является гарантией «сохранения истинности» в оригинальных построениях Л. Бонжура). И самый простой случай, на наш взгляд, – это рассуждать о том, что другой истины, кроме доступной в моменте, – нет. Также отметим, что с точки зрения эпистемологии такой ход рассуждений уже имеет место быть, – фактически мы уже это делаем, когда говорим об эмпирическом знании в момент времени *t*. Должны быть выполнены условия знания, одно из которых – условие истинности, и сам этот факт дает нам возможность (при прочих равных) с метафизической точки зрения абсолютизировать понятие «относительного знания». И естественно, здесь мы можем вообще отбросить понятие истинности и говорить об инструментализме в духе Эрнста Маха, Анри Пуанкаре или Баса Фраассена, либо о науке и научном знании «от первого

му Требованию, тогда с большой вероятностью должно существовать объяснение этому факту (отличное от простого полагания, что этот факт просто случайность). При этом степень правдоподобия (likelihood) этого объяснения должна

лица» («at face value» по выражению Хилари Патнэма), либо акцентировать внимание на том, что это запрещенный (с точки зрения Л. Бонджура, см. с. 110) ход рассуждений, что мы привязали истинность к прагматическому критерию, такому как «рациональная приемлемость на бесконечности» и эту «бесконечность» искусственно ограничиваем и т.д., но мы хотим сохранить сам дух концепции Л. Бонджура, его реализм.

В современной философии науки существует достаточно четкий критерий определения того, какую теорию считать лучшей: ту, которая лучше объясняет и предсказывает явления в соответствии с гипотетико-дедуктивной моделью развития научного знания, которую сформулировал Уильям Уэвелл в его «Философии индуктивных наук» (1840). Которая, в частности, позволила разделить эмпирические данные, на которых теория строится, и эмпирические данные, на которых теория проверяется, а также до сих пор дает достаточно надежный критерий существования теоретических объектов относительно имеющегося объема данных (см., например: [Головкин, 2006]). А теперь представим, что мы приняли темпоральную метафизическую онтологию, в которой онтологический статус будущего сейчас гораздо ниже, чем статус настоящего или прошлого, например концепцию «растущего блока» Ч. Брода либо производную от нее концепцию «движущегося проектора» (см., например: Skow B. *Objective Becoming*. Oxford University Press, 2015), а также сопутствующее представление о позитивном характере роста научного знания при движении познания из прошлого в будущее. В такой отобранной онтологии наш «вывод к лучшему объяснению», опирающийся на гипотетико-дедуктивную модель, будет являться «сохраняющим истинность», хотя он, очевидно, и не является дедуктивным. Поскольку другой доступной «истины», других данных, на основании которых мы показываем связь факта и «лучшей» объясняющей гипотезы, сейчас нет. Объясняющая гипотеза предполагаемого абдуктивного вывода «истинна», потому что уже прошла весь трудный путь проверки и отбора и лучше других отвечает имеющемуся на данный момент времени *t* сопутствующему (background) знанию, а заключение будет «истинным», потому что оно будет подвергнуто всем возможным на данный момент времени проверкам в соответствии с логикой гипотетико-дедуктивной модели. Да, мы говорим здесь об «относительной истине», но в нашей онтологии другой нет. Это тот самый случай. И конечно, было бы слишком смелым утверждать, что концепция Л. Бонджура – это лучшее, что случилось в области философии науки в XX веке после диалектического материализма В.И. Ленина, но запрета на такие рассуждения нет. Как только вы поймете, что метафизика науки не развивается как наука (одна онтология сменяет другую, формируя временный передний край знания), а является частью философии, т.е. представляет собой условно ограниченный набор онтологий, каждая из которых участвует в развитии своей «последовательности» (большинство из которых вообще никак не относятся к науке и научному знанию), вместе с характерным для философии критерием значимости философского результата. Можно долго спорить о том, как возможна (и насколько будет продуктивной) рецепция метафизики В.И. Ленина в концепции «растущего блока». (И естественно, многие скажут, что это плохая идея, поскольку не просто, (а) нельзя рассматривать диалектический материализм как самостоятельную метафизическую систему в отрыве от исторического материализма, что, конечно, буквально является терминальным в данном случае тезисом, но и потому, что (б) диалектический материализм – это пост-декартовский проект субстанциальной онтологии, который не очень хорошо укладывается в общую тенденцию достаточно обоснованного предпочтения верификационистских / номиналистских онтологий, которая буквально главенствует в метафизике с середины XX века). Однако такое сочетание условного (и уже совсем не похожего на оригинал) «материализма» и условной концепции «растущего блока», ограниченной привязкой к конкретной области знания, будет обладать крайне ценной, с точки зрения философии науки, характеристикой. Здесь представление о контингентном характере научного знания будет являться органической, естественной частью философской онтологии. (И конечно, самые горячие головы скажут, что нет смысла вообще городить такую сложную конструкцию. Что если есть желание, то нужно просто перейти к онтологии специального вида, например, к онтологии Дж. Лоу, представленной в его «Четырехкатегориальной онтологии» (2006), в которой контингентный характер научного знания буквально гарантируется в соответствующей модели соотношения науки и философии. Тем более что если мы уже находимся в несубстанциалистской парадигме и у нас уже есть подходящая фундаментальная концепция существования, следующая за концепцией «реальных паттернов» Дэниела Деннета. См.: [Головкин, Эртель, 2021]). И тем не менее, выстраивая

быть пропорциональна степени когерентности и стабильности системы на этом промежутке времени» (с. 171) ¹¹.

«последовательность» (если ее вообще можно должным образом построить) «от В.И. Ленина к Л. Бонжуру» – именно по основанию «абсолютизации относительного знания» – мы схватим, кроме дорогих нам интернализма, реализма и корреспондентной теории истинности, и (а) «контингентный характер научного знания», и (б) «достоверность внутри системы», и (в) «динамический характер соотношения наблюдаемого и не-наблюдаемого». С этой точки зрения *ошибкой* большинства конвенциональных концепций метафизики науки является то, что эти важные характеристики научного знания (а)–(в) полагаются вторичными и должны как-то потом следовать из онтологии. Но так ли это? В свое время В.И. Ленин привел пример, показывающий то, как возможно «динамическое» отношение между научной и локальной метафизической онтологиями. На каждом историческом этапе, починаясь общей логике развития исторического процесса, относительное знание будет включать в себя и свою научную онтологию, и свое обоснование метафизического содержания и укорененности фундаментальных научных понятий в современной им философской теории, развитие которой также исторично. Более того, общая канва соотношения трех истин (относительной, абсолютной и объективной), а также правило «отсутствие договоренности о переднем крае» (основное отличие развития научного и философского знания) также будут обуславливать «динамику» соотношения онтологии развивающегося научного знания и различных конкурирующих трендов развития философской теории. И это еще больше усложняет ситуацию. На каждом историческом этапе у нас всегда есть несколько своих подходящих альтернативных метафизических трактовок. Сейчас Л. Бонжур привел пример того, как возможно определение «достоверности внутри системы». И они оба говорят о необходимости понимания истинности в терминах соответствия объективной реальности. По крайней мере, в смысле метафизического тезиса о том, что внешняя реальность необходима в том случае, если мы вообще можем говорить об истинности эмпирического знания, которое эту реальность отражает. Насколько это совпадение случайно? Вспомним о том, что в реальной науке достоверность, например, полученного результата проведенного эксперимента (который по аналогии можно назвать «спонтанными научными данными») определяется именно «внутри системы» (см., например: [Головкин, 2007]). Учитывая сложность проведения эксперимента и невозможность проверки абсолютно всех оснований, сопутствующих обоснованию достоверности и теории, и вспомогательных допущений, которыми пользуется ученый, и теорий, которые описывают функционирование экспериментальной установки, единственное, что остается – это определить достоверность (способность наблюдения или результата эксперимента с большой вероятностью быть истинным, или с большой вероятностью появиться в тех условиях, в которых появляются истинные наблюдения / результаты) в терминах «согласованности (agree)» убеждений друг с другом в том смысле, что убеждения (а) не противоречат (contradict) друг другу и (б) будучи подогнанными (fit) друг к другу, вместе с соответствующими теоретическими допущениями они образуют (form) когерентный образ объективного мира, включая объяснение того, почему такие убеждения являются достоверными» (с. 138). На этом основании мы точно можем по крайней мере попробовать объединить Л. Бонжура и В.И. Ленина в более общую, исключительно «конструктивистскую» онтологию, куда также можно добавить «непроявленность» будущих онтологических категорий, пока наука их нам не откроет» Дж. Лоу и верификационистскую структурную онтологию паттернов Дж. Лэдимена / Д. Деннета. Если, конечно, вы уже готовы отказаться от субстанциализма В.И. Ленина.

¹¹ С точки зрения Л. Бонжура посылка (P_1) является «самоочевидно истинной» (self-evidently true): «Если не существует других оснований (которые могут обеспечить объяснение), участвующих в формировании (production) анализируемой системы убеждений (если бы когнитивно спонтанные убеждения, удовлетворяющие Эмпирическому Требованию, были бы произведены случайным образом), тогда с большой долей вероятности когерентность системы будет *непрерывно* нарушаться и восстанавливаться. Нарушение когерентности может наступить либо по причине накопления большого числа изменений в содержании системы, которые нарушат ее стабильность, либо как результат нарушения Эмпирического Требования, если достаточно большое число убеждений наблюдения не будет приниматься системой. И если на протяжении длительного промежутка (long run) времени подобного нарушения не наступает, то с большой вероятностью должен существовать еще какой-то фактор, объясняющий стабильность. И вероятность правдоподобия (likelihood) этого фактора будет только увеличиваться по мере того, чем дольше период стабильности, – и именно об этом говорит P_1 . Мы можем даже сказать, что P_1 является аналитическим утверждением, – частью значения понятия *случайность* (chance) является то, что множество возникающих чисто случайно исходов вряд ли (unlikely)

(P₂) «Наилучшим объяснением, – истинным с наибольшей вероятностью, – для системы убеждений оставаться когерентной и стабильной на длительном промежутке времени, при этом продолжая удовлетворять Эмпирическому Требованию, является тот факт, что: (а) когнитивно спонтанные убеждения, достоверность которых подтверждена внутри системы, систематически оказываются причинены именно в тех ситуациях, которые описываются (depicted) их содержанием; (б) вся система убеждений соответствует, в разумных пределах, независимой реальности, которую она описывает. И степень предпочтения (preferability) этого объяснения возрастает пропорционально степени когерентности и стабильности системы с течением времени» (с. 171) ¹².

Итак, нам нужно показать, что объясняющая гипотеза при выполнении всех обозначенных условий является более вероятной, чем любая альтернативная. Система убеждений, для которой наша корреспондентная гипотеза не выполнена, не будет оставаться когерентной (продолжая удовлетворять Эмпирическому Тре-

будет на достаточно большом интервале времени продолжать соответствовать заданному сложному паттерну. С другой стороны, так это или не так, не имеет большого значения, поскольку мы не можем сказать нечто подобное для P₂» (с. 172). Учитывая то, что ниже, разбирая обоснование P₂, Л. Бонжур вспомнит про «Злого Демона» Р. Декарта, можно еще раз вспомнить о том, насколько Л. Бонжур доверяет рационализму.

¹² На наш взгляд, обоснование посылки (P₂) является хорошим примером, показывающим то, насколько неоднозначной фигурой среди философов 1980-х был Л. Бонжур, судя по всему, до конца приверженный «классическому проекту» в тот момент, когда «дух времени» уже радикально изменился. И это еще один повод прочитать книгу: чтобы понять масштаб дискуссии о том, как связаны знание и реальность, в том виде, как она велась сорок лет назад. В тот период, когда позитивизм (Р. Карнап, Г. Рейхенбах) как глобальный метафизический проект уже точно сошел на нет, «семантический приоритет» (М. Даммит, Д. Дэвидсон), буквально доминировавший до этого, уже переживал не лучшие свои времена, а неаристотелизм (Д. Армстронг, Дж. Лоу и многие другие философы, которые начнут говорить о необходимости мета-метафизики и мета-онтологии) еще только-только «поднимал голову». В этом смысле, и особенно потому, что Л. Бонжур говорит об обосновании *эмпирического*, т. е. научного знания, его гораздо легче сравнивать с «метафизически настроенным» направлением в философии науки того периода. Направление, которое, несмотря на все старания ни позитивизма «изгнать из философии метафизику», ни тех, кто был слишком вдохновлен лозунгом Л. Витгенштейна «Философские проблемы возникают именно тогда, когда язык отдыхает», никуда не исчезло. И это понятно, реальный ученый – работающий по специальности научный сотрудник – вряд ли удовлетворится тезисом «существовать – значит быть значением переменной» вместе с требованием необходимости строгого аналитического модельного представления знания. (Оставим пока в стороне «инструментализм» и «рабочий платонизм» и предположим, что перед нами метафизически рефлексивный ученый.) И если бы Л. Бонжур писал о научном реализме, то почти наверняка он точно так же, как Майкл Девиitt в «Реализм и истина» (первое издание вышло в 1984 году) или Хилари Патнэм соответствующего периода («Сознание, язык и реальность» выходит еще в 1975 году), отметил бы, что «есть что-то странное в том, чтобы тратить столько времени на обоснование чего-то столь очевидного и банального, как независимое существование такого знакомого окружающего мира». Реализм в том виде, как его понимают Л. Бонжур, М. Девиitt и вся отечественная философия науки (П.В. Копнин, М.В. Мостепаненко, В.С. Швырев и др.), – с той разницей, подчеркнем, что Л. Бонжур не пишет о научном реализме, что, конечно, делает его позицию более уязвимой, – это часть классического материалистического проекта с одной субстанцией и теорией отражения. В этом плане другие условно «материалистические» проекты последней четверти XX века – например, онтология троп Д. Армстронга или онтология паттернов Д. Деннета, – следует понимать уже не в «субстанциалистском» смысле (продолжение декартовского дуализма), а скорее в «реляционно-диспозиционалистском» смысле (когда мы рассуждаем о существовании устанавливающих истину в рамках той или иной условной «номиналистской» онтологии), отчего мы, как правило, и характеризуем последние онтологии как «реалистские», а не как «материалистические». Л. Бонжур все еще материалист.

бованию), по крайней мере пока система не будет пересмотрена в сторону большей когерентности, а значит и «большей степени соответствия реальности», – и это приведет к тому, что «старая» система перестанет быть стабильной, и постепенно будет сформирована «новая» система, для которой наша объясняющая гипотеза будет выполнена. На каком основании мы будем полагать, что когерентные системы, подчиняющиеся Эмпирическому Требованию, в концепции Л. Бонжура ведут себя именно так? Идея Л. Бонжура заключается в том, чтобы посмотреть на то, как ведут себя в плане динамики «когерентности-стабильности» другие – альтернативные объясняющие гипотезы. Для этого он разбивает рассматриваемые варианты на два подмножества. С одной стороны – гипотезы, которые работают в возможных мирах, в которых все окружающие объекты не отличаются от доступных нам, убеждения наблюдения также причиняются внешней реальностью, но по каким-то причинам система убеждений, которая есть у субъекта, не полностью (и мы можем проследить это по каким-то характеристикам) совпадает с предполагаемой системой, которой в этой же ситуации будет владеть актуальный субъект. С другой стороны – гипотезы, которые являются производными от классической скептической гипотезы Р. Декарта.

А) *Нормальные альтернативные гипотезы.* В данном случае мы будем иметь дело с более слабыми версиями исходной объясняющей гипотезы в том смысле, что долговременная «когерентность-стабильность» системы отвечает лишь *некоторой* степени соответствия внешней реальности, но не настолько «достаточно близкой» для того, чтобы отражать реальность более детально. Л. Бонжур предлагает рассмотреть следующие *два типа* возможных «нормальных» объясняющих гипотез: (а) когерентная система более или менее корректно репрезентирует мир в том, что касается эмпирической (observational) компоненты, но общая картина реальности, тем не менее, «фундаментально не полна (incomplete)» в силу того, что «не все вещи доступны эмпирическому наблюдению или являются наблюдаемыми». С точки зрения философии науки, здесь Л. Бонжур погружается в классическую *дискуссию о соотношении теоретического и эмпирического*. И вывод Л. Бонжура под стать ситуации: «Если когнитивно спонтанные убеждения, подчиняющиеся Эмпирическому Требованию, являются достоверными, то мы *априорно* можем заключить, что сам факт, что система, которая остается когерентно-стабильной на протяжении длительного времени, удовлетворяя Эмпирическому Требованию, и все еще не может схватить не наблюдаемые аспекты мира достаточно подробно, – является весьма и весьма невероятным» (с. 176) ¹³.

¹³ Гипотезы этого типа принимают первую часть (P₂), т. е. что когнитивно спонтанные убеждения, которые определяются как достоверные, фактически причиняются именно в тех ситуациях, которые они предполагают, и именно поэтому они соответствуют миру. И здесь мы рассматриваем возможности, что даже в этом случае полученная картина мира будет неполной, поскольку не может схватить ту часть мира, которая «не наблюдаема». Как отмечает Л. Бонжур, «многое зависит от того, как упущенные аспекты связаны с наблюдаемым. Существует *два* разных способа, которыми отдельные аспекты мира могут быть ненаблюдаемыми. Во-первых, она зависит от *практической* (practical) ситуации. Некоторый ненаблюдаемый аспект в определенных условиях может причинять достоверные когнитивно спонтанные убеждения, но субъект может никогда не оказаться в нужных условиях для того, чтобы *сделать* (take) эти наблюдения, а значит, сам факт того, что корреспондентность между системой и миром нарушена, никогда не будет обнаружен. Эту возможность нельзя исключить. И конечно, это несоответствие (discrepancy) имеет больший шанс оставаться незамеченным, например, ввиду невоз-

Второй тип, (б) – это гипотезы, которые говорят о том, что (б) репрезентация мира, включая эмпирическую компоненту, каким-то образом «фундаментально искажена (distorted)». Эти гипотезы не так сильно отличаются от гипотез (а),

возможности проводить наблюдения в далеких областях пространства-времени, или на более мелких масштабах вещества, что и объясняет неполноту системы. Но несоответствия такого рода сами по себе не могут быть основаниями для того, чтобы считать систему ложной. Скорее речь идет о том, что если несоответствие достаточно велико и если период наблюдения достаточно большой, то несоответствие может привести к большому числу потенциально противоречащих наблюдений. А значит, мы должны (во-вторых) рассмотреть более сильный смысл ненаблюдаемого, – в том же смысле, как мы считаем ненаблюдаемыми радиоволны и субатомные частицы. Эти объекты и процессы являются ненаблюдаемыми, потому что они не соответствуют *предмету* ни одного из видов достоверных когнитивно спонтанных убеждений, которые соответствуют наблюдениям, которые сейчас субъект *научился* и может делать. И очевидный способ, которым эта ненаблюдаемость может быть преодолена, – посредством развития *теорий*, описывающих ненаблюдаемые объекты и процессы, которые постулируются этими теориями в попытках объяснить и предсказать соответствующие наблюдаемые аспекты мира. Такой процесс построения теорий может быть вполне успешен в описании аспектов мира, которые сейчас не открыты для прямого наблюдения. Но есть ли основания предположить, что этот успех является результатом схватить мир именно в рамках *когерентной* системы убеждений?

Ответ, который может дать когерентизм, заключается в том, что если *достаточное* количество аспектов мира являются наблюдаемыми (а это так, по крайней мере, если выполнено Эмпирическое Требование), и если ненаблюдаемые аспекты оказывают *достаточное* причинное воздействие на наблюдаемые, то когерентность-стабильность описания наблюдаемых аспектов будет возможна, только если система также содержит успешные теории об этих предполагаемых ненаблюдаемых аспектах, которые, по крайней мере, приближенно истинны (correct). Это то, что мы обсуждали в параграфе 5.3: когерентность включает и предсказание, и объяснение. Модель наблюдаемого аспекта мира, которая не может предсказывать и объяснять наблюдаемые эффекты ненаблюдаемых объектов и процессов, *будет* содержать аномалии и будет значительно менее когерентной. Существование стабильной когерентной системы, не включающей достаточно аккуратную модель ненаблюдаемых аспектов мира, будет означать, что мир разделен на две части, которые предположительно очень слабо причинно взаимодействуют друг с другом. Априорно это весьма невероятное (unlikely) допущение, даже если граница между наблюдаемым и ненаблюдаемым задана раз и навсегда. Мы знаем, что граница между наблюдаемым и ненаблюдаемым не является постоянной и может *меняться* время от времени. Наблюдаемое не является сущностью связанным (essentially tied) с чувственным опытом в том виде, как мы традиционно понимаем чувственное восприятие, а значит, любой вид достоверных когнитивно спонтанных убеждений (и не важно, вследствие каких причинных процессов эти убеждения появляются у субъекта) *может* в принципе считаться наблюдаемым. Это значит, что развитие техники – радиотелескоп, счетчик Гейгера, ускоритель частиц и т. д. – может вести к появлению новых типов (sort) наблюдаемого. Субъект может *научиться* получать (have) достоверные когнитивно спонтанные убеждения в присутствии различных технических средств. Эти убеждения, если оценивать их с точки зрения их *содержания*, являются убеждениями о теоретических объектах и процессах – распространении радиосигналов, радиоактивности, поведении субатомных частиц и т. д., – и не могут быть *эпистемически* основаны на наблюдениях за техническими средствами и их поведением. В этом случае чувственный опыт, который и определяет наблюдение за техническим средством, конечно же, будет *причиной* (одной из), которая приведет к убеждению. Однако сам по себе этот опыт не обязан восприниматься (apprehended) как опыт, который позволяет (allow) этому восприятию служить адекватным обоснованием этого убеждения относительно теоретических объектов и процессов. И нет никаких оснований тому, почему обоснование (justification) таких теоретических наблюдений должно опираться на допущение, что только чувственный опыт может служить обоснованием убеждений наблюдения, вместо того чтобы быть (как и предполагает наша концепция наблюдения) основанным (based) непосредственно на *достоверности* когнитивно спонтанных убеждений соответствующего типа, – достоверности, которая определяется изнутри системы. Как следствие, если предположить (concede), что когнитивно спонтанные убеждения, которые удовлетворяют Эмпирическому Требованию, действительно являются объективно достоверными, то априорно маловероятно, что система убеждений, которая будет оставаться когерентной и будет продолжать удовлетворять Эмпирическому Требованию, так и не сможет схватить (depict) ненаблюдаемые аспекты мира, по крайней мере приближенно» (с. 173–176).

поскольку представление о мире может быть неполным и в силу ограничений, накладываемых наблюдением, и в силу искажения именно тех аспектов, которые мы считаем эмпирическими. «Здесь нужно отметить, что для большинства типов и характеристик, которыми оперирует когерентно-стабильная система убеждений, мы можем *априорно* сказать, что требуемые альтернативные объясняющие гипотезы либо невозможны, либо весьма невероятны. Но для некоторых характеристик, – например, для цвета и других аналогичных, – совсем не очевидно то, что апеллирующие к ним объясняющие гипотезы будут очевидным образом не вероятны. Конечно, всегда можно сослаться на то, что, обсуждая метафизический статус вторичных качеств, мы всегда можем прийти к выводу, что наиболее (most) когерентные системы убеждений вообще могут не апеллировать к вторичным качествам объектов, а значит, мы можем не переживать. Но этот пример не решит проблему до тех пор, пока мы не покажем, что есть аргумент, который обобщает эти рассуждения о вторичных качествах таким образом, чтобы эти же выводы можно было бы применить и к другим внутренним (intrinsic) характеристикам, которые не подчиняются законам природы, которым подчиняются объекты, ими обладающие. И поскольку мы обсуждаем здесь нормальные альтернативы, мы можем предположить, что корреспондентная гипотеза, как и утверждает (P₂), все еще с большой вероятностью истинна; а значит, есть смысл до тех пор, пока не появится достаточно хорошая альтернативная гипотеза, принять (M1)» (с. 179) ¹⁴.

¹⁴ Л. Бонжур, ссылаясь на Ричарда Диаза, приводит пример искусственно построенной системы, в которой «концептуальная модель мира не окажется некогерентной в результате появления неожиданных противоречащих наблюдений: каждое предсказанное наблюдение действительно произойдет, будучи причиненным реальной ситуацией, которая, в свою очередь, однозначно схвачена (paired) изоморфизмом описания, который и задает предположительное содержание наблюдения» (с. 176–177). Суть примера в том, что подобная концептуальная модель, апеллирующая к изоморфизму описания, *гипотетически* все равно может не соответствовать реальности. Л. Бонжур рассматривает несколько различных вариантов, как можно было бы понять такую «гипотетическую» ситуацию. «Во-первых, даже если такой изоморфизм и возможен, то он *априорно* маловероятен. Такой изоморфизм сложных инференциальных и законоподобных взаимосвязей двух различных множеств типов и характеристик реальных и изоморфных им концептуальных объектов является результатом крайне маловероятного совпадения. Мы даже можем усомниться, что это реально возможно. Чтобы такая ситуация возникла, необходимо, чтобы законы, концептуальные связи и т.д., которые схватываются (pertain) концептуальными типами и характеристиками, отражали (mirror) именно те связи и характеристики, которые схватываются соответствующими актуальными типами и характеристиками актуального мира. Зачем это нам? Если взаимосвязи одни и те же, то не будет места для несоответствия (discrepancy) между концептуальным миром и реальностью как таковой. Однако, независимо (despite) от этого отражения, типы и характеристики актуального мира *не будут* идентичны тем, которые схватываются концептуальной моделью. Для каких-то типов и характеристик отношение между их внутренней природой (character) и концептуальным описанием связей, в которые они включены, может быть очень близким. Но это не значит, что мы можем сказать, что концептуальный и актуальный законы полностью соответствуют (agree) друг другу, в то время как внутренняя природа объектов остается различной.

Существуют характеристики, чья индивидуальная внутренняя природа *полностью* не зависит от любой инференциальной или законоподобной связи, в которую включается объект, обладающий этой характеристикой. Самый очевидный пример – цвет, но мы можем вспомнить и другие «вторичные качества». Проблема заключается в том, что если реальность как таковая включает эти качества (цвет в их числе), то концептуальное отображение этих характеристик с большой вероятностью допускает «систематическую ошибку», которая не оказывает влияния на когерентность системы убеждений. Например, предположим, что соответствующее убеждение наблюдения было причинено какой-то сопряженной (complimentary) характеристикой, а не той, о которой мы думаем, и, как следствие, у нас

В) *Скептические альтернативные гипотезы*. Сами по себе скептические гипотезы: «Злой Демон», которая вводит в заблуждение, заставляя поверить в то, что меня окружает внешний мир, хотя ничего из воспринимаемого не существует; «Мозг-в-Баксе», предполагающая то, что в заблуждение меня вводит компьютер; или допущение, что я сошел с ума и чувственные данные, которые генерирует мое сознание, формируют когерентную, но совершенно недостоверную картину мира, – не являются особо значимыми с точки зрения демонстрации того, что когерентизм чем-то лучше других не-скептических альтернатив. Но, поскольку скептические гипотезы предлагают альтернативное *объяснение* для сохранения «когерентности-стабильности», мы должны показать, что они «значительно менее вероятны», чем наше исходное объяснение¹⁵. Аналогично анализу «нормальных

появилось описание, в котором какие-то характеристики поменялись местами (interchanged) относительно того, как они соотносятся в реальности. Такая ошибка может быть в принципе никогда не обнаружена посредством каких-то конфликтующих друг с другом наблюдений. Суть в том, что тот сорт отношений, который определяет *когерентность* убеждений внутри системы, т.е. соответствующие законоподобные и инференциальные концептуальные связи между ними, не имеет никакого отношения к внутренней природе таких характеристик. И конечно, мы должны подчеркнуть, что «ошибка», о которой идет речь, является незначительной, в том смысле что она не несет практической угрозы отмеченным законоподобным и инференциальным связям. Этот пример не дает оснований полагать, что эта ошибка включает что-то, кроме подмены характеристик внутри одного наперед заданного узкого класса характеристик или объектов, ими обладающих. Такая ошибка не должна приводить к появлению конфликтующих убеждений наблюдения» (с. 177–178).

¹⁵ Как отмечает Л. Бонжур: «В литературе можно встретить множество вариантов ответов на скептические возражения, но не все они подходят. Например, есть попытки апеллировать к верификационизму и показать, что скептическое возражение либо бессмысленно, либо ничем не отличается от не-скептического представления (с эмпирической точки зрения и объем, и качество данных, доступных и субъекту, и мозгу-в-баксе одинаково, а значит, скептическая установка не отличается от обычной. – Н. Г.). И даже среди точек зрения, которые не апеллируют к верификационизму, большинство даже *не пытается* показать, что такая-то гипотеза с меньшей вероятностью является истинной, чем конкурирующая с ней не-скептическая гипотеза. Большинство точек зрения пытается исключить скептицизм на основании каких-то достаточно общих методологических или прагматических (как верификационизм) оснований, – такое обоснование *не является эпистемическим*, оно не приводится в терминах «близости к истине», а значит, у нас нет оснований рассуждать о преимуществах одной гипотезы перед другой в терминах знания (вопрос о том, является ли известный «аргумент Мура» эпистемическим, очевидно, потребует дополнительного анализа. – Н. Г.). Такие точки зрения являются лишь более завуалированными формами скептицизма; они приводят «не-эпистемические основания» для предпочтения не-скептической позиции, при этом принимая, что сама скептическая альтернатива истинна с не меньшей вероятностью. Другой известный вариант – допущение, что скептическая гипотеза *менее простая*, а значит должна быть отброшена. У этого допущения две проблемы, – нечеткость понятия «простоты» и не всегда очевидное обоснование того, что более простая гипотеза должна быть принята на основании того, «простота» – это признак гипотезы истинной с большей вероятностью. И почему, собственно, реальность должна быть простой? Без ответа на этот вопрос рассуждения о простоте нерелевантны именно эпистемическому обоснованию. Таким образом, адекватный ответ на скептическое возражение должен начинаться с обоснования того, что на таких-то основаниях такая-то гипотеза (также принимая во внимание том, что когерентность-стабильность системы должна сохраняться на достаточно большом промежутке времени) будет с большей вероятностью истинна, чем корреспондентная гипотеза.

На что должен быть похож такой аргумент? Мы знаем из теории вероятностей, что вероятность гипотезы H относительно данных E равна вероятности E при условии истинности H , умноженной на априорную вероятность H , поделенной на априорную вероятность E (теорема Байеса). При сравнении вероятностей двух конкурирующих гипотез относительно одних и тех же данных должны быть выполнены два условия: должны существовать вероятности E при условии истинности каждой из гипотез, а также априорные вероятности каждой из гипотез. Соответственно, должным обра-

гипотез», Л. Бонжур и здесь рассматривает *два типа* возможных объясняющих гипотез: (а) «когерентность-стабильность» системы достигается «исключительно благодаря случаю (purely to chance)». Очевидно, это «крайне маловероятная, но возможная» ситуация, учитывая вероятность того, что случайные «убеждения наблюдения» смогут образовать когерентную систему¹⁶. Второй тип гипотез – это

зом выбранная скептическая гипотеза должна обладать условной вероятностью E не меньшей, чем для корреспондентной гипотезы. Аргумент в пользу большей вероятности корреспондентной гипотезы должен опираться на то, что априорная вероятность скептической гипотезы меньше, чем априорная вероятность корреспондентной гипотезы. Естественно, все эти рассуждения будут иметь *исключительно априорный* характер, поскольку любое обращение собственно к эмпирическому контексту здесь не имеет смысла. И я полагаю, что наши рассуждения, весьма предварительные и на интуитивном уровне, все-таки позволят нам обосновать выбор корреспондентной гипотезы. Также отметим, что именно *гибкость* (versatility) скептических гипотез, которые мы будем рассматривать, их способность объяснить любой релевантный опыт, делает их не просто более или менее удовлетворительными в методологическом смысле, но именно *вероятными быть истинными*, принимая во внимание факт когерентности-стабильности системы убеждений» (с. 180–181). Последнее замечание и апелляция к теореме Байеса, судя по всему, дорого обойдутся Л. Бонжуру. Как отмечает Р. Фогелин: «Очень важно понять, о каком сорте вероятностей идет речь. И очевидно, это (основание аргумента в пользу (P_2)). – Н. Г.) не может быть теория вероятностей. Вопрос: “Насколько вероятно, что когерентная, стабильная, получающая новые эмпирические данные система соответствует реальности как таковой?” не решается по аналогии с вопросом: “Если мы взяли из колоды две карты, то насколько вероятно, что первая – пики, а вторая – меньше шестерки”. Более того, вероятностная аргументация не может апеллировать к эмпирическому факту соответствия между реальностью и системой убеждений, поскольку само это соответствие – это то, что находится под вопросом. И Бонжур это понимает и пытается предложить новый по форме априорный аргумент, показывающий, что априорная вероятность скептической гипотезы меньше, чем таковая у гипотезы, которую защищает Бонжур. Да, оценку априорных вероятностей можно провести внутри системы относительно сопутствующих (background) допущений, предыдущего опыта анализа ситуации и т.д., и способы задания априорной вероятности могут быть любыми (arbitrary). Однако ни один из этих способов не будет служить целям мета-обоснования Бонжура. Бонжуру нужен какой-то другой метод задания априорных вероятностей: некогерентистский, не произвольный, априорный метод. И я не думаю, что Бонжур сделал нечто большее, кроме как взял старую верификационистскую аргументацию и превратил (convert) вывод о бессмысленности скептической гипотезы в утверждение, касающееся априорной вероятности ее ложности» [Fogelin, 1994, p. 160].

¹⁶ В качестве основной Л. Бонжур предлагает рассмотреть «модифицированную» (elaborate) (a_2), в отличие от «простой» (simple) (a_1), гипотезу: «Мои когнитивно спонтанные убеждения наблюдения производятся случайно, и этот случайный процесс производит *только* такие убеждения наблюдения, которые будут соответствовать (fit) моей системе убеждений и не будут нарушать ее стабильность. Относительно такой гипотезы наша система убеждений будет оставаться стабильной по определению. (Система не будет оставаться когерентной с несомненностью (certain), поскольку убеждения наблюдения не определяют все содержание системы, мы можем пользоваться плохими теориями). Интуитивно ясно, что эта гипотеза не является с большой вероятностью истинной относительно существования когерентной системы убеждений, не в большей степени, чем простая гипотеза. Но нам нужно это объяснить».

Вполне возможно найти различные методологические основания для того чтобы показать, что как объясняющая эта гипотеза не работает, но, как уже отмечалось, – релевантность таких соображений под вопросом. Если мы исключим модифицированную гипотезу из рассмотрения на роль гипотезы, которая *наилучшим* образом объясняет стабильность, на основании аргументов, которые непосредственно не апеллируют к близости (likelihood) к истине, – то это поставит под сомнение саму идею наилучшего объяснения, поскольку “наилучший” определяется именно на основании близости к истине. Единственной альтернативой будет потребовать на основании исключительно априорных рассуждений (purely a priori basis), что эта скептическая гипотеза с большой вероятностью не может быть истинной. Настолько не может быть истинной, что будет оставаться с большой вероятностью не истинной, даже если мы согласимся с тем, что она может предлагать (мои чувства могут произво-

гипотезы, которые являются производными от (б) гипотезы «Злого Демона». Этот тип гипотез, в свою очередь, делится на два подвида: (б₁) гипотеза ничего не говорит о мотивах и целях демона, а также о том, какой именно тип убеждений изменен (простая гипотеза); и (б₂) демон обладает собственными мотивами и целями, в силу которых она и будет производить сохраняющие когерентность убеждения наблюдения (модифицированная гипотеза)¹⁷. И самое интересное заключается

доть) хорошие, сохраняющие стабильность убеждения наблюдения. Основанием того, почему антецедент (априорная вероятность или правдоподобие модифицированной гипотезы) будет маловероятным, будут те же соображения, которые можно привести против простой гипотезы: внутренняя несовместность (incompatibility) между (а) утверждением, что убеждения наблюдения произведены исключительно случайно, и (б) утверждением, что эти убеждения продолжают соответствовать системе и не нарушают ее стабильность. Очевидно, (б) маловероятно относительно (а), и точно также (а) маловероятно относительно (б). И если мы объединим (а) и (б) в одну гипотезу, то на основании исключительно априорных рассуждений мы можем заключить, что она с большой вероятностью не сможет быть истинной. С точки зрения теоремы Байеса это означает, что невозможно соотносить (reconcile) дезавуирование (repudiation) априорной вероятности гипотезы с отрицанием условных вероятностей (принятием условных вероятностей для обратных событий). С точки зрения рассуждения о соотношении простоты и сложности гипотез, это означает, что если сложная гипотеза содержит элементы, которые будут с большой вероятностью не истинными относительно других составляющих гипотезы, то это делает ее с большой вероятностью не истинной именно на основании исключительно априорных рассуждений» (с. 182).

¹⁷ Как отмечает Л. Бонжур: «Простая гипотеза (б₁) не может объяснить сам факт сохраняющей когерентности. По аналогии с (а₁), весьма невероятно, но все-таки возможно, чтобы когнитивно спонтанные убеждения, производимые незаинтересованным демоном, продолжали соответствовать когерентной системе убеждений. Точно так же незаинтересованный демон может произвести буквально любую конфигурацию убеждений, и при этом сама (б₁) ничего не говорит о возможности того, чтобы данные соответствовали (fit) друг другу и системе. А значит, сохраняющаяся когерентность-стабильность является хорошим данным (evidence) против (б₁) просто потому, что подобный результат, если мы примем (б₁), произойдет с крайне малой вероятностью. Отметим, что этот аргумент не будет работать против (б₂), потому что (б₂) именно с высокой вероятностью или даже с несомненностью (certainty) принимает то, что наши когнитивно спонтанные убеждения будут сохранять когерентность системы. Согласно (б₂), демон не только обеспечивает меня такими убеждениями, но и обладает достаточной силой и знанием, чтобы поддерживать когерентность-стабильность. В этом смысле сохранение когерентности-стабильности системы является даже *более вероятным* для (б₂), чем для корреспондентной гипотезы. Но есть одно замечание. По аналогии с тем, как несовместность (incompatibility) (а₁) и сохранения когерентности-стабильности была передана (internalize) в (а₂), несовместность (б₁) и существования когерентной системы была передана в (б₂), а значит, (б₂) с большой вероятностью не является истинной. При этом степень невероятности (unlikelihood) того, что демон в (б₂) будет вести себя именно так, будет не больше, чем степень невероятности того, что демон в (б₁) будет производить именно такие убеждения. Точно так же, как незаинтересованный демон способен одинаково произвести любую конфигурацию данных, а значит, он с крайне малой вероятностью произведет именно ту конфигурацию, которая необходима для сохранения когерентности-стабильности, демон в (б₂), способный обладать любыми желаниями, целями и т.д., тем самым делает крайне маловероятным то, что он произведет именно эту, необходимую для сохранения когерентности-стабильности системы, конфигурацию, а значит, (б₂) истинна с крайне малой вероятностью. Однако этого результата, значимого самого по себе, недостаточно для того, чтобы показать, что (б₂) при тех же данных с меньшей вероятностью истинна, чем корреспондентная гипотеза. Последняя является сложной гипотезой, а значит, нам необходимо привести какие-либо основания, чтобы показать, что она отличается от (б₂). Принципиальное отличие, чем корреспондентная гипотеза может обезопасить себя от рассуждений, аналогичных выводам в отношении (а₂) и (б₁), заключается в том, что она утверждает, что когнитивно спонтанные убеждения, которые полагаются достоверными внутри системы, причиняются именно теми типами (kinds) объективных ситуаций, достижение которых данные убеждения предполагают (assert to obtain). И *априори* нам не кажется правдоподобным, что гипотеза, в которой мир причиняет убеждения надлежащим образом, и гипотеза, в которой должен существовать демон, которая по-сво-

в том, что отсюда Л. Бонжур переходит к необходимости рассмотреть два варианта исходной объясняющей гипотезы: (v_1) когнитивно спонтанные убеждения причиняются объективной реальностью безотносительно того, «какой сорт причин производит какой сорт убеждений» (простая гипотеза); и (v_2) причиной того, что данные когнитивно спонтанные убеждения (или скорее их типы) принимаются достоверными внутри системы убеждений, является «именно тот вид (sort) объективной ситуации, достижение которой данное убеждение и предполагает (asserts to obtain)» (модифицированная гипотеза)¹⁸. И, конечно, заключает,

ему причиняет убеждения, являются равновероятными, при том что и там и там система убеждений сохраняет когерентность-стабильность. Совершенно невероятно (improbable), что демон выбрала производить сохраняющие когерентность убеждения в том же самом смысле и в том же самом виде, как они причиняются миром. И точно также невероятно, что убеждения, причиняемые миром, появляются у субъекта в том же самом виде, как если бы их производила соответствующим образом от-рефлексирующая ситуация демон. Обе эти невероятности отвечают друг другу. А значит, мы должны будем признать, что корреспондентная гипотеза также невероятно, как (b_2). С учетом множества возможностей, какими убеждения могут быть причинены миром, весьма невероятно, что они были причинены именно тем способом, о котором говорит корреспондентная гипотеза» (с. 183–185).

¹⁸ По аналогии с предыдущими рассуждениями, относительно факта сохранения когерентности-стабильности вероятность истинности (v_1) крайне мала. И это будет означать, что (v_2) также с малой вероятностью истинна, так как она включает в себя составляющие, которые крайне маловероятны относительно друг друга, а значит, у гипотезы небольшая априорная вероятность. Этот вывод говорит о том, что «у нас нет оснований думать, что корреспондентная гипотеза, которая включает неправдоподобное представление о причинении убеждений, с большей вероятностью истинна, чем (b_2), а значит, наша попытка построить мета-обоснование, используя эту гипотезу, провалилась. И я упрощаю рассуждения, игнорируя возможность, что сохраняющие когерентность убеждения могут быть причинены миром некоторым другим способом, чем предполагает корреспондентная гипотеза (мы рассматривали это в параграфе 8.3). Априорно вероятность того, что когнитивно спонтанные убеждения были причинены именно так, как предсказывает корреспондентная гипотеза, крайне мала. Но это означает, что также крайне мала вероятность существования когнитивных субъектов, которые успешны в плане получения знания относительно внешней реальности. И дело в том, чтобы показать, как соотносятся априорные вероятности (v_2) и (b_2). И я полагаю, что основания в пользу (v_2) могут быть найдены. Во-первых, (v_1) не повторяет (b_1) в том плане, что все возможные паттерны причинения убеждений обладают одинаковой вероятностью. Суть гипотезы злого демона в том, чтобы полностью отвечать имеющемуся опыту с тем, чтобы ее нельзя было опровергнуть, но это не так для (v_1) и (v_2). Мир не является заинтересованным/незаинтересованным демоном, который производит убеждения. Напротив, мир обладает упорядоченной структурой сам по себе, а значит, мы априорно можем ожидать, что он будет причинять убеждения именно таким образом, который в какой-то степени отражает структуру мира и не является полностью произвольным. И вот такое представление, предполагающее объективные паттерны причинения, делает (v_2) гораздо более вероятной. Во-вторых, нельзя отрицать, что мы можем предложить здесь некое абстрактное и весьма схематичное понимание происходящего в терминах биологической эволюции, а также, в некоторой степени, в терминах культурных и концептуальных каркасов, которые объясняют то, как именно могут появиться и существовать когнитивные субъекты, которые соотносятся с миром соответствующим образом. И это объяснение не будет произвольным, оно будет включать (v_2). Наличие такого объяснения, – именно как *концептуальной возможности*, а не как эмпирического факта, – уменьшает внутреннее напряжение между элементами (v_2), а значит, повышает ее вероятность, делая ее более вероятной, чем (b_2), для которой у нас нет аналогичных рассуждений, которые были бы достаточно органичны. Всегда можно добавить какое-то внешнее (external) объяснение, например бога (deity) заданного вида, который также удовлетворит (v_2), но в этом случае ситуация не будет отличаться и мы ничего не выиграем» (с. 185–187). Отметим, что последние замечания оставляют странное ощущение. Эти два примера по сути эмпирические, в то время как для того, чтобы мета-обоснование работало, аргументация в пользу корреспондентной гипотезы должна быть *априорной*. Вот что пишет У. Алстон: «Почему стандартное объяснение лучше, чем скептическое? Бонжур настаивает на том, что выбор между ними необходимо сделать только на основании анализа априорных вероятностей гипотез, но он только что сказал, что они одинаково

что «степень *априорной неправдоподобности* (unlikelihood) корреспондентной гипотезы достаточно высока, однако она существенно ниже, чем для модифицированной гипотезы Злого Демона, что делает корреспондентную гипотезу с гораздо большей вероятностью истинной как объяснение когерентности-стабильности; а значит, у нас есть основания принять (М)» (с. 188). Таким образом, с точки зрения Л. Бонжура, полученного представления о том, как мета-обоснование могло бы работать в когерентистской модели обоснования эмпирических убеждений, – несмотря на то что «многое еще предстоит сделать», – вполне достаточно для того, чтобы считать, что его концепция является «ведущим кандидатом на роль корректной теории эмпирического знания».

Некоторые замечания критиков

В качестве иллюстрации остановимся на двух примерах критических замечаний, которые не столько показывают, что «у Бонжура не получилось!», сколько акцентируют внимание на том, что границы проекта на самом деле можно было бы сделать чуть более гибкими, – и это, возможно, привело бы к более рефлексивной модели обоснования эмпирического знания. В литературе можно встретить бесчисленное количество объяснений, почему аргумент «от мета-обоснования» работать не будет. И наиболее последовательные критики, на наш взгляд, указывают на то, что даже если принять, что Л. Бонжур удалось привести хороший пример в пользу (М), то наличие этого одного примера *ничего не доказывает*. В обычной ситуации система убеждений субъекта содержит большое число типов убеждений. Некоторые из этих типов убеждений будут отвечать тем, которые Л. Бонжур обозначает как «когнитивно спонтанные». Это убеждения наблюдения, на основании чувственного восприятия формирующие картину окружающей реальности. Но это не все. В системе убеждений будет достаточное число типов убеждений, которые можно интерпретировать как выводные, – опирающиеся (и «по происхождению», и «по обоснованию») на те убеждения, которые мы считаем «убеждениями наблюдения». Например, абдуктивно обоснованное убеждение, что недавно по пляжу прошел человек, которое мы сделали на основании наблюдения, что перед нами на песке находится характерная цепочка следов.

плохие (equally bad off). Однако после этого он предлагает более слабый аргумент в пользу корреспондентной гипотезы. Зачем? Он хочет сказать, что эволюционное объяснение должно быть частью стандартной гипотезы? Но если на основании приведенного примера мы потребуем что-то, что выходит за рамки простого утверждения, что эволюционное объяснение корректно, то мы столкнемся с плохой обратной связью (circularity), – основания принять эволюционную гипотезу являются следствием тех самых убеждений, которые мы пытаемся обосновать. Точно так же, например, мы можем включить в скептическую гипотезу представление, которое объяснит, почему демон предпочитает производить именно такие когерентные наборы данных органов чувств так, как будто бы его нет, а не другое. Любое предполагаемое преимущество корреспондентной гипотезы здесь опирается на обманом (surreptitiously) принятое допущение, что у нас есть независимые основания для того, чтобы принять эволюционное объяснение, и нет независимых оснований в пользу принятия скептической гипотезы. Эти независимые основания опираются на нашу доксистическую практику, а значит, в данном случае обязательно приведут к плохой обратной связи. Тем самым мы можем сказать, что преимущество стандартного объяснения у Бонжура не установлено благодаря анализу априорных вероятностей, а в не меньшей степени опирается на анализ простоты, экономии мышления, глубину аргументации и внимание к деталям» [Alston, 1993, p. 88].

Как отмечает Маршал Суэйн: «Если наше внимание ограничено исключительно убеждениями наблюдения, то я склонен согласиться с рассуждениями Бонжура о том, что согласованность на большом промежутке времени, предсказательная успешность и когерентности *наилучшим* образом объясняются тем, что система убеждений соответствует реальности. Есть, конечно, и другие объяснения, включая радикальные скептические гипотезы, но они (как показал Бонжур) с меньшей вероятностью истинны, чем корреспондентная гипотеза. Однако есть и другие типы убеждений. Это убеждения, которые по своей природе *более теоретические*, которые гораздо дальше *отстоят* от привычных представлений о прямом (direct) подтверждении убеждений наблюдения. И что более важно, они *специально сконструированы* (designed) таким образом, чтобы быть объясняющими и быть когерентными, соответствующими исходной системе убеждений. Такие убеждения могут быть *ложными*, и будучи такими, они могут занимать “центральное место” в когерентной системе убеждений, которая в то же время полностью удовлетворяет критериями Бонжура» [Swain, 1989, p. 122]. Это очень сильное замечание, которое можно использовать как в пользу, так и против концепции Л. Бонжура ¹⁹.

¹⁹ Рассмотрим пример, который приводит Гильберт Харман. «Очень важно, чтобы обоснование опиралось на простые обобщения, даже если мы опираемся на ложное объяснение этих обобщений. Субъект полагает, что показания барометра падают перед грозой в силу того, что растет сила притяжения. Сила притяжения не только влияет на показания барометра, но и буквально вызывает дождь, вытягивая его из туч. И хотя объяснение неверное, он обоснованно утверждает, что если показания барометра падают, то это к дождю. Тот факт, что убеждения субъекта опираются на вывод, который не может дать ему знание (в результате у него ложное объяснение), не означает, что те же самые убеждения не могут опираться на вывод, который потенциально может привести к знанию (если в результате мы получим истинное объяснение). Субъект обоснован, потому что он выводит не только “сильное” объяснение, апеллирующее к гравитации, но также и “слабое” объяснение. Он выводит объяснение корреляций между падением показаний барометра и погодой, он объясняет, что обычно падение показаний барометра означает дождь. И далее он использует это “слабое” обобщение в объяснении на следующем этапе» [Harman, 1973, p. 133]. М. Суэйн приводит аналогичный пример: «Религиозные убеждения широко распространены и обладают очень сильной объяснительной ролью в системах убеждений многих людей. Более того, они прекрасно соотносятся (cohere) и с наблюдением, и с другими теоретическими убеждениями. Эти убеждения могут даже увеличивать степень когерентности системы, уменьшая количество необъяснимых аномалий (оно из ключевых достоинств религии заключается в ее способности давать объяснение вещам, которые иначе являются тайной). И даже когда возникают другие объяснения, например, научные, то те, кто придерживается религиозных убеждений, могут продолжать сохранять их, делая относительно незначительные изменения других составляющих системы убеждений. И независимо от того, кто и что думает о ценности (merits) религиозных убеждений, несмотря на очевидный конфликт между ними и научными убеждениями, на недостаточность (lack) подтверждаемости и опровергаемости этих убеждений и прочее, мы должны согласиться с тем, что система убеждений, которая их содержит, может быть когерентной на протяжении большого промежутка времени. Должны ли мы априори заключить, что эти убеждения с большой вероятностью истинны? Я не смог найти у Бонжура ничего, что препятствовало бы этому заключению, которое я нахожу неприемлемым» [Swain, 1989, p. 123]. Оба эти примера, конечно, интересны тем, что мы можем интерпретировать их применительно к концепции Л. Бонжура. У рыбака есть барометр, он не знает, как тот работает, но умеет им пользоваться, что он может успешно предсказывать погоду. Именно на основании успешности рыбака мы и говорим, что он, по крайней мере, обоснован в том, какая погода будет завтра. И теперь к этой «истории успеха» мы добавляем ложное объяснение, использующее понятие «гравитация». Формально все сходится, увеличение «гравитации» влияет на барометр и одновременно влияет на тучи надлежащим образом. Рыбак обоснован, но не прав относительно причины явления. Система убеждений рыбака когерентна. Все предполагаемые условия обоснованности убеждения «завтра будет дождь» по Л. Бонжуру выполнены: (а) это убеждение согласовано с системой и в условном логическом и в вероятностном смыслах; (б) у этого убеждения наверняка есть значитель-

Второй пример также в стиле приведенного «замечания Суэйна» связан с анализом дополнительных условий, выполнение которых по замыслу Л. Бонжура должно показать, что «когерентность является необходимым и достаточным условием знания». Алан Голдман приводит несколько интересных замечаний, каждое из которых по-своему подчеркивает то, что «когерентизм Бонжура является *слишком сильным*. Знание в обыденном смысле апеллирует к соответствующему (right) отношению между убеждением и фактом. Если когерентность всей системы убеждений сообщает (confer) обоснование каждому из убеждений, ее составляющих, то, как только мы достигнем когерентности, автоматически все истинные убеждения должны считаться знанием. Но на самом деле это не так. Какие-то истинные убеждения будут считаться знанием, а какие-то – нет. Все будет зависеть от чувствительности (sensitivity) предмета убеждений к изменениям фактов и от того, каким образом изменения в системе убеждений продиктованы (occasioned) изменениями в фактическом положении дел. Сохранения (continuous) когерентности системы перед лицом этих изменений недостаточно. Демонстрация знания требует перспективы *за пределами* внутренней системы убеждений субъекта. И эпистемологи (правильные с точки зрения А. Гол-

но число «инференциальных связей» с другими убеждениями системы; (в) это убеждение не содержит и не апеллирует к «аномалиям», т.е. к другим убеждениям, которые с точки зрения системы не имеют объяснения (качество исходного объяснения пока не рассматривается); наконец, (г) наша система убеждений является «стабильной» в любых разумных (с точки зрения рассматриваемой «эмпирической ситуации») смыслах, на любом (с известными оговорками) промежутке времени. И мы попадаем в ситуацию, когда, с одной стороны, мы имеем дело с гипотезой, которая «с большой вероятностью истинна», а с другой «весьма невероятно, что все убеждения системы убеждений рыбака истинны». Да, можно сказать, что Л. Бонжур, рассматривая «нормальные альтернативные гипотезы», пытается схватить именно этот случай. С точки зрения рыбака, его объяснение погоды в терминах поведения стрелки барометра и будет «альтернативным объяснением» (внешний мир отличается от имеющегося представления, но при этом «причинно ответствен» при формировании соответствующих убеждений наблюдения) по отношению к корреспондентной гипотезе, утверждающей, что внешний мир именно таков (с учетом разумных ограничений), каким мы его себе представляем. С точки зрения Л. Бонжура, опираясь на исключительно априорные рассуждения, мы должны заключить, что весьма неправдоподобно то, что система убеждений рыбака будет оставаться когерентной и стабильной, поскольку теоретическое объяснение явления ложно. Л. Бонжур пишет: «Если предположить (concede), что когнитивно спонтанные убеждения, которые удовлетворяют Эмпирическому Требованию, действительно являются объективно достоверными, то априорно маловероятно, что система убеждений, которая будет оставаться когерентной и будет продолжать удовлетворять Эмпирическому Требованию, так и не сможет схватить (depict) ненаблюдаемые аспекты мира, по крайней мере приближенно» (с. 176). Однако именно это и происходит с системой убеждений рыбака. Он не схватывает соответствующий «ненаблюдаемый аспект», но с системой ничего не происходит. Как отмечает М. Суэйн: «Возможно, Бонжур и мог бы ответить на это возражение, но это сомнительно. Однако если бы мы приняли ту или иную версию релейбилизма, не важно, апеллирующую к достоверному процессу или к какому-нибудь индикатору достоверности по какому-либо показателю, то возможно в этом случае предполагаемый аргумент от мета-обоснования выглядел бы гораздо более многообещающим. Если система убеждений «привязана» к какому-либо достоверному процессу, то тогда мы можем сказать с большей вероятностью, что у нас больше оснований считать анализируемое убеждение истинным, чем ложным, – потому что именно это и обозначает «достоверность»» [Swain, 1989, p. 124]. Не будем забывать, что классический релейбилизм (А. Голдман, Д. Армстронг, Ф. Дретске и др.) – это экстерналистская концепция. И если рассматривать концепцию Л. Бонжура именно в рамках последних четырех глав книги, а также если ограничиться проблемами обоснования эмпирического знания в том виде, как их понимает Л. Бонжур, то да, скорее всего М. Суэйн и достаточно большое число критиков будут правы в том, что приведенные замечания действительно указывают на ограниченность концепции мета-обоснования Л. Бонжура.

дмана. – Н. Г.) начинают эту демонстрацию с основополагающих (foundational) убеждений, указывающих на внешние отношения (в дополнение к истинности) как на источник знания. Для того чтобы обосновать, что эти внешние отношения выполняются и являются источником знания, мы *должны* принять интерсубъективную (interpersonal) перспективу за рамками нашей индивидуальной системы убеждений. Обеспокоенность внутренней когерентностью является одновременно и слишком сильным требованием по отношению к системе убеждений обычного субъекта, и требованием, которое не является достаточным для того, чтобы превратить истинное убеждение в знание. Сейчас не принято использовать естественный отбор, влияние окружающей среды и т.д. как факторы обоснования, но апелляция к ним имеет больше шансов на успех, чем строго интерналистское мета-обоснование Бонжура, которое апеллирует к когерентности системы убеждений. В узком смысле понимаемый когерентизм не может преодолеть проблему несовместности разных когерентных систем убеждений. Мета-обоснование внутренней когерентности не может показать, что когерентность сама по себе является показателем истинности, а значит, *когерентность не является ни необходимым, ни достаточным условием*, которое нужно добавить к истинному убеждению, чтобы получить знание» [Goldman, 1989a, p. 125, 132]. В плане того, почему когерентность не может считаться *достаточным* условием знания, логика рассуждений А. Голдмана понятна, – это будет одна из вариаций Возражения (I) и демонстрация того, что Эмпирическое Требование на самом деле не помогает ²⁰.

²⁰ А. Голдман пишет: «Бонжур защищает когерентизм, предлагая решение в духе умеренного (moderate) фаундализма, но без базовых убеждений. Уловка состоит в том, чтобы потребовать эмпирическое (observational) пополнение системы, говоря, что сами убеждения наблюдения обоснованы только по отношению к убеждениям более высокого порядка, схватывающих их достоверность в тех условиях, в которых они появляются (acquired). Убеждения наблюдения появляются не инференциально, но обоснованы в силу их когерентности с другими убеждениями системы. Эта когерентность состоит в согласии (agreement) между перцептуальными убеждениями, полученными в различное время и посредством различных органов чувств, а также от причинных *объяснений* этих убеждений, которые подтверждают (endorse) их аккуратность. Субъект должен быть способен распознать данные неинференциальные убеждения как убеждения наблюдения, а также должен иметь достаточно мета-убеждений об их достоверности в соответствующих условиях восприятия (с. 122). И поскольку обоснование у Бонжура зависит только от выполнения субъектом соответствующих эпистемических обязательств (obligations), то мы имеем дело с достоверностью с точки зрения субъекта, а не с актуальной достоверностью перцептуальных убеждений, которая нужна. Требование перцептуального пополнения системы замещает требование наличия оснований, которые привязывают (anchor) когерентную систему убеждений к реальному миру. Непривязанная когерентная система не считается обоснованной. Только сохранение когерентности на протяжении достаточно длительного промежутка времени (long run) перед лицом непрерывного эмпирического пополнения системы означает истинность (с. 144). Но эмпирическое пополнение не может элиминировать множество несовместных когерентных систем убеждений. И даже если Бонжуру удалось схватить какое-то интуитивное представление о знании (в его собственном понимании знания), то оно не является интересным, так как требуется совсем другой тип теории.

Эпистемолог, в отличие от нормального субъекта, пользуется представлением (и должен это показать!), что в системе убеждений много типов (kinds) знания. Недостаточно просто показать, что собственная система убеждений внутренне когерентна и содержит невыводные убеждения. Для экстерналиста убеждение является знанием, если оно находится в соответствующем законоподобном отношении с фактом (или типом фактов), на который оно указывает. Бонжур не принимает экстернализм, но общая логика рассуждений должна сохраняться. Это отношение (между убеждением и фактом) состоит в том, что «факт» является заметной частью наилучшего объяснения убеждения, которое принимает (hold) субъект. Для большинства убеждений те факты, на которые они указывают, – это

В плане обоснования того, почему когерентность не может быть *необходимым* условием знания, А. Голдман вспоминает мета-обоснование и Доксастическое Допущение: «Интернализм Бонжура является слишком сильным, – обоснование зависит *только* от того, что в каком-то смысле доступно субъекту. Субъект должен имплицитно схватывать (*grasp*) свою систему убеждений. Но этого “просто-го” факта недостаточно. Субъект должен принять с обоснованием, что та система, с которой когерентно данное убеждение, сама по себе является когерентной. А вот это уже нельзя просто предположить, так как это будет равнозначно допущению, что убеждение обосновано, – а именно это субъект и пытается показать. Более важно то, что нормальный субъект, если и схватывает содержание своей системы убеждений, то сомнительно, что он схватывает абсолютно все когерентные отношения, а значит, он не может схватить все убеждения, которые являются знанием. Актуальная система убеждений содержит множества аномалий и несоответствий, и часть из них вполне рациональна. (Я могу принимать все предложения данного текста, но не их конъюнкцию). Эти несоответствия делают систему не когерентной, но они могут вообще не касаться, например, перцептуального знания, которое я получаю независимо от них. Чтобы обладать знанием, мне *не нужно* схватывать когерентность всей системы» [Goldman, 1989a, p. 128]. Однако общее заключение А. Голдмана довольно нейтрально: «Бонжур *расширил* стратегию аргументации когерентизма, добавив требование пополнения содержания (*input*). В принципе идея сходимости интерсубъективного (*interpersonal convergence*) (в терминах апелляции к одинаковой для всех объективной реальности. – Н. Г.) является признаком того, что перед нами хорошая теория, неважно, эпистемологическая она или нет.

только части, может быть опосредованные (*indirect*), этих объяснений. Мое убеждение, что по улице едет пожарная машина, объясняется не только самим фактом, что это так и есть, но и дополнительным фактом, например, что я смотрю в окно и ее вижу. Это значит, что, кроме прочего, я должен обосновать последнее утверждение, или мое убеждение, что я смотрю в окно и вижу пожарную машину. Убеждение, что по улице едет пожарная машина, обосновано, только если обосновано последнее и только (при прочих равных) по отношению к нему. В свою очередь, обоснованием того, что я вижу пожарную машину, будет то, что я смотрю в направлении окна, что на мои органы чувств оказывается соответствующее воздействие соответствующим образом и т.д. Фундаментальным допущением Бонжура является то, что он говорит, что наилучшим объяснением различных паттернов восприятия (как и обоснования когнитивно спонтанных убеждений, а также убеждений наблюдения и возможно интроспекции и памяти. – Н. Г.) является физический мир, который предположительно соответствующим образом и структурирован. И это допущение вообще ничего не говорит о том, что я организую убеждения когерентным образом, помещая элементарные восприятия в соответствующие психологические паттерны, которые и позволяют мне (пользуясь выводом к лучшему восприятию) сформировать когерентную картину мира. Бонжур же допускает, что если когерентная система не соответствует реальности, тогда последующие наблюдения будут нарушать когерентность (с. 172). Однако способность сознания (сила воображения) искажать (*alter*) данные и в то же время корректировать (*adjust*) убеждения более высокого порядка, чтобы оба уровня были согласованы (*conspic*), вызывает вопросы. Эта способность может *заменить* в предполагаемом объяснении “факта” истинность на когерентность заданного множества сопутствующих убеждений. Тенденция сфабриковать когерентность, чтобы наблюдения ее не нарушали, ослабляет аргумент Бонжура. Не существует естественного стремления к когерентности. Акцент нужно делать на интерсубъективном согласии (*agreement*), а не на внутренней когерентности системы убеждений субъекта. Эпистемолог должен обратить (*reverse*) этот акцент на конструирование индивидуальной системы убеждений в пользу *социальных аспектов легитимности знания*. Сама по себе внутренняя когерентность не релевантна знанию, даже если мы будем настаивать на том, что поступающие эмпирические данные истинны и отражают реальность» [Goldman, 1989a, p. 126, 130].

И, конечно, Бонжуру нужно было бы *развивать ее дальше*, чтобы получилась достаточно сильная позиция, способная противостоять скептику.

Если мы принимаем эвиденциализм, то сумасшедший (обладающий когерентной системой убеждений, что он командует наполеоновской армией, а также соответствующими мета-убеждениями относительно достоверности своего восприятия реальности; ведь он вправе сформулировать такие мета-убеждения и прийти к выводу, что они истинны), не будет обоснован, когда речь заходит о его наваждении и соответствующих перцептуальных убеждениях, но жертва Злого Демона, если во всех остальных смыслах она такая же как мы, – будет. Сумасшедший похож на человека, который приписывает объектам цвет, не обращая внимания на условия освещения. Здесь не спасает никакая когерентность. Эпистемическое обоснование, сочетающееся с представлением о том, в чем мы в каком-то смысле должны (ought) быть убеждены, не предполагает, что у нас есть свободный выбор (genuine choice) сформировать убеждение. Это предмет эпистемических обязательств. Разница между сумасшедшим и жертвой Злого Демона заключается в том, что последняя формирует убеждения, опираясь на те же самые данные, которые доступны каждому из нас, а первый – нет. Актуальное объяснение, которое мешает признать когерентную систему убеждений сумасшедшего знанием, не имеет никакого отношения к истинности его перцептуальных убеждений» [Goldman, 1989a, p. 132]. Из приведенной цитаты достаточно сложно понять, в каком смысле мы знаем, что не являемся сумасшедшими прямо сейчас или что мы действительно что-то знаем о реальности. И когда мы говорим об актуальных сумасшедших, именно «интерсубъективное согласие», по выражению А. Голдмана, и другие «социальные аспекты легитимности» знания, – даже несмотря на то что они естественным образом культурно и исторически обусловлены, – и будут главными критериями. Примечательно то, что сам А. Голдман и подсказывает то, как Л. Бонжур мог бы ему ответить. Замечание А. Голдмана, что «система убеждений содержит много типов (kinds) знания», можно интерпретировать и так, что в системе допускается много соответствующих «выводов к лучшему объяснению» по *разным уровням* данных, – в том же самом смысле, как он сам разделяет убеждения наблюдения и «убеждения более высокого уровня». Однако очевидно, что тот уровень «эпистемических обязательств», к которому обращается Л. Бонжур, не включает «интерсубъективное согласие», поскольку предмет его анализа – обоснование, именно как «приведение аргументов в пользу истинности убеждения», где «истинность» понимается в каноническом смысле, – что естественно для «классического» (эвиденциализм, интернализм, реализм, корреспондентная теория истинности) эпистемологического проекта.

Судя по всему, единственный способ защитить построения Л. Бонжура – это снова напомнить о том, что каждый вправе сам выбирать метафизические основания своей теории, и главный критерий, который мы можем предъявить к оценке состоятельности теории, на самом деле заключается в том, чтобы иметь возможность проследить – построить подходящую интерпретацию тому, что «из данных посылок соответствующее заключение действительно следует». Л. Бонжур не просто так обозначает «главные затруднения», с которыми сталкивается когерентизм. Возможность альтернативных систем убеждений; необходимость

пополнения эмпирического содержания системы; и связь когерентистского обоснования с истинностью как целью познания, – все это найденные Л. Бонжуром значимые затруднения в проблемном поле, преодоление которых, по сути, и служит основной эвристикой, доказывающей состоятельность его концепции. Были ли преодолены эти затруднения? При ответе на этот вопрос, конечно, большое значение будет иметь то, какой «уровень анализа» мы выберем как основной. И тут мы легко можем ошибиться, попав в ситуацию, которая напоминает о разнице между «причинностью» и «объяснением». Мы настаиваем на том, что с точки зрения выбранных оснований Л. Бонжур может претендовать на то, чтобы мы признали его концепцию достаточно согласованной. Хотя бы с точки зрения преодоления обозначенных «значимых затруднений». Другое дело, что сопутствующие «объяснения», которые предоставляют и сам Л. Бонжур, и его критики, могут быть недостаточно строгими и необоснованно расширяющими основания построений самого Л. Бонжура. Что мы и видим на примере приведенных рассуждений А. Голдмана и М. Суэйна или на примере рассуждений С. Хаак в первой части обзора. Классический проект всегда требует четкости – нужные качества и характеристики всегда связываются с определенным объектом, предположительно ими обладающим. Идеи Платона, структура работы сознания в онтологии И. Канта, требование четкости понимания критерия «знания» и т.д. Именно поэтому хорошее причинное объяснение, как правило, всегда содержит в себе указание на набор «исходных дихотомий» – рациональное/эмпирическое, интернализм/экстернализм, фаундализм/когерентизм и т.д. – так структура представления знания выглядит более четкой. В этом смысле поиск нечеткости оснований, который предпринимают многие критики концепции Л. Бонжура, может просто-напросто упускать суть того, что хотел сказать автор на самом деле. В своих собственных терминах концепция Л. Бонжура остается прекрасным примером концепции обоснования именно эмпирического знания. И в этом смысле книга гарантированно Вас не разочарует.

Список литературы

- Головко Н. В.** Когнитивно спонтанные убеждения и достоверность внутри системы. Рец. на кн.: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6) // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 1. С. 105–137.
- Головко Н. В.** Проблема регресса и критика фаундализма. Рец. на кн.: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 109–153.
- Головко Н. В.** Проблема безбилетника и предел эффективности коллективного действия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 3. С. 43–50.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. III. Абдуктивный вывод // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6. № 1. С. 9–15.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. I. Скептический аргумент // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2007. Т. 5. № 1. С. 8–13.

- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4. № 2. С. 51–57.
- Головко Н. В., Эртель И. И.** Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: Научный реализм и метафизика возможностей // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. № 4. С. 5–33.
- Alston W.** The Reliability of Sense Perception. Cornell University Press, 1993.
- Chisholm R.** Theory of Knowledge / 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1989.
- Conee E., Feldman R.** Evidentialism. Oxford University Press, 2004.
- Fogelin R.** Pyrrhonic Reflections on Knowledge and Justification. Oxford University Press, 1994.
- Goldman A.** Bonjour's Coherentism // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989a. P. 125–133.
- Goldman A.** Bonjour's The Structure of Empirical Knowledge // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989b. P. 105–114.
- Haak S.** Coherentism Discomposed: A Critique of Bonjour's the Structure of Empirical Knowledge // Theoria et Historia Scientiarum. 1992. Vol. 2. P. 16–23.
- Harman G.** Thought. Princeton University Press, 1973.
- Swain M.** Bonjour's Coherence Theory of Justification // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 115–124.
- Williams M.** Problems of Knowledge: A Critical Introduction to Epistemology. Oxford University Press, 2001.

References

- Alston W.** The Reliability of Sense Perception. Cornell University Press, 1993.
- Chisholm R.** Theory of Knowledge / 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1989.
- Conee E., Feldman R.** Evidentialism. Oxford University Press, 2004.
- Fogelin R.** Pyrrhonic Reflections on Knowledge and Justification. Oxford University Press, 1994.
- Goldman A.** Bonjour's Coherentism // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989a. P. 125–133.
- Goldman A.** Bonjour's The Structure of Empirical Knowledge // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989b. P. 105–114.
- Golovko N. V.** Cognitive Spontaneous Beliefs, and Reliability within the System. Book Review: Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6) // Siberian Journal of Philosophy. 2024. Vol. 22. No. 1. P. 105–137 (in Russian)

- Golovko N. V.** Regress Problem and the Critique of Empirical Foundationalism. Book Review: Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I) // Siberian Journal of Philosophy. 2023. Vol. 21. No. 4. P. 109–153 (in Russian)
- Golovko N. V.** The free-rider problem and effectiveness of the collective action // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2012. T. 10. No. 3. P. 43–50. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and Basic Arguments Against Scientific Realism. III. Abductive Inference // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2008. T. 6. No. 1. P. 9–15. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and Basic Arguments Against Scientific Realism. I. Skeptical Argument // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2007. T. 5. No. 1. P. 8–13. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and Basic Arguments For Scientific Realism // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2006. T. 4. No. 2. P. 51–57. (in Russian)
- Golovko N. V., Ertel I. I.** J. Ladyman, D. Dennett and E. J. Lowe: Scientific Realism and Metaphysics of Possibilities) // Siberian Journal of Philosophy. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 5–33. (in Russian)
- Harman G.** Thought. Princeton University Press, 1973.
- Haak S.** Coherentism Discomposed: A Critique of Bonjour's the Structure of Empirical Knowledge // Theoria et Historia Scientiarum. 1992. Vol. 2. P. 16–23.
- Swain M.** Bonjour's Coherence Theory of Justification // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 115–124.
- Williams M.** Problems of Knowledge: A Critical Introduction to Epistemology. Oxford University Press, 2001.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент

¹ Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки, Новосибирский государственный университет;

² Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikita Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)

¹ Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novosibirsk State University;

² Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

Статья поступила в редколлегию 25.01.2024;

одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 20.02.2024

The article was submitted 25.01.2024;

approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 20.02.2024